

ПРЕВОЗМОЖНОСТЬ АВОРИТЫ ИМПЕРАТОРСКОГО ДВОРА

ЕЛЕНА ПЕРВУШИНА

ОТ ВАСИЛИЯ ГОЛИЦЫНА
ДО МАТИЛЬДЫ
КШЕСИНСКОЙ

АННА МОНС • АВДОТЯ ЧЕРНЫШЕВА • МАРИЯ КАНТЕМИР
ВАРВАРА АРСЕНЬЕВА • МАРИЯ РУМЯНЦЕВА • АЛЕКСАНДР
МЕНШИКОВ • КАМЕР-ФРЕЙЛИНА МАРИЯ ГАМИЛЬТОН
ИВАН ОРЛОВ • ЕВДОКИЯ ЛОПУХИНА • СТЕПАН ГЛЕБОВ
ЭРНСТ ИОГАНН БИРОН...

Елена Первушина

**Фавориты императорского
двора. От Василия Голицына
до Матильды Кшесинской**

«Центрполиграф»

2018

УДК 94(470.23-25)

ББК 63.3

Первушина Е. В.

Фавориты императорского двора. От Василия Голицына до
Матильды Кшесинской / Е. В. Первушина — «Центрполиграф»,
2018

ISBN 978-5-227-08171-1

Речь пойдет о первых дамах Российской империи, их венценосных супругах, фаворитках и фаворитах членов Российского императорского дома от Петра I до Николая II. Для того чтобы оценить этих людей, нужно погрузиться в их жизнь и историю, понять, что их тревожило, что пугало, на что они надеялись и чего добивались. И не всегда ответы будут однозначными. Самовластные правительницы, заморские принцессы... рядом с тронном находились не только они. При русском дворе не существовало официальной должности «королевской фаворитки», как это было принято во Франции. Любовные связи императоров и императриц оставались под завесой тайны. И все же они были, расчетливые временщики и молодые люди, увлеченные блеском двора и мечтавшие подняться до вершин власти, понравившись императрице; искушенные любовницы и юные девушки, которых направляли ко двору их амбициозные родители... Удалось ли им найти то, что они искали? Удалось ли хотя бы на короткое время обрести счастье? Или царский дворец — это заколдованное место, где даже самые лучшие намерения не доводят до добра? Давайте попробуем в этом разобраться.

УДК 94(470.23-25)

ББК 63.3

ISBN 978-5-227-08171-1

© Первушина Е. В., 2018

© Центрполиграф, 2018

Содержание

Предисловие	7
Глава 1	8
Семья	9
Отец	16
Быть царицей	20
Быть царевной	23
Мачеха	29
Смерть отца	33
Под властью брата	36
Пешечная атака	39
Власть	43
Последний гамбит царевны	48
Кровавый эндшпиль	51
Глава 2	55
Московская царица – Евдокия Лопухина	56
«Твоя портомоя» – Марта Скавронская	62
«Монсиха», «Гамильтонша» и другие любовницы Петра	72
Глава 3	89
Царица из Курляндии	90
Разорванные «Кондиции»	93
Самодержица	97
Конец ознакомительного фрагмента.	98

Елена Владимировна Первушина

Фавориты императорского двора

От Василия Голицына до

Матильды Кшесинской

Охраняется законодательством РФ о защите интеллектуальных прав. Воспроизведение всей книги или любой ее части воспрещается без письменного разрешения издателя. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

© Первушина Е. В., 2018

© ООО «Рт-СПб», 2018

© «Центрполиграф», 2018

Предисловие

Истории известно несколько имен российских правительниц. О них идет разная слава. К Софье прилип ярлык ретроградки, противницы прогрессивного Петра. Анну Иоанновну считают полуграмотной иноземкой (хотя она была московской царевной и родной племянницей Петра), фактически подарившей Россию своему временщику Бирону Елизавету – веселой и не очень умной вертихвосткой. Екатерину – «матушкой-царицей», по-настоящему русской правительницей (хотя по рождению она была немкой и до конца жизни плохо говорила по-русски). Поспешные оценки всегда грешат неточностью. Для того чтобы понять и оценить этих женщин, нужно погрузиться в историю, погрузиться в их жизнь, понять, что их тревожило, что пугало, на что они надеялись и чего добивались. И не всегда ответы будут однозначными.

После Екатерины в России больше не было самовластных правительниц. (Когда в семье Николая II одна за другой родились четыре дочери, а наследник все никак не появлялся на свет, в числе прочих обсуждался проект возвести на престол старшую дочь – Ольгу, но история предложила другое решение). Но императрицы были, и их истории не менее интересны, чем истории Софьи или Екатерины.

Обычаи Российской империи запрещали цесаревичу венчаться на царство, если он не был женат. Те же законы запрещали отпрыскам царских кровей брать в жены русских девушек, даже принадлежавших к аристократическим семьям.

Невестой великого князя или цесаревича могла стать только «заморская принцесса». С католическими государствами в России предпочитали не связываться, да они и сами неохотно отдавали своих принцесс иноверцам.

Оставались протестантские князья, смотревшие на переход своих дочерей в православие сквозь пальцы. Поэтому все русские императрицы и великие княгини были немками. Их привозили из крошечных, часто весьма захолустных, немецких княжеств, и, как правило, блеск роскошного Петербургского двора ослеплял их. Но вскоре они понимали, что при Дворе действуют строгие и по большей части неписанные правила.

Отличавшаяся острым аналитическим умом София Августа Фредерика Ангальт-Цербстская, или как называли ее дома – маленькая Фике, в свое время сформулировала их так: 1) нравиться императрице, 2) нравиться мужу и 3) нравиться народу. Маленькая Фике, хотя ей так и не удалось понравиться мужу и императрице Елизавете, тем не менее преуспела и стала русской императрицей Екатериной II. Другие принцессы не ставили перед собой таких амбициозных целей и выбирали другие пути, которые, как они надеялись, приведут их к счастью, но правы ли они? И какую цену им пришлось за это заплатить?

Но рядом с тронном находились не только они. При Русском Дворе не существовало официальной должности «королевской фаворитки», как это было принято, к примеру, во Франции. Любовные связи императоров и императриц, по крайней мере, официально оставались под завесой тайны. И все же они были: молодые люди, увлеченные блеском Двора и мечтавшие подняться до вершин власти, понравившись императрице; молодые девушки, которых направляли ко Двору их амбициозные родители, которым казалось, что они внезапно встретили «родственную душу» в самом не подходящем для этого месте... Удалось ли им найти то, что они искали? Удалось ли хотя бы на короткое время обрести счастье? Или царский дворец – это такое заколдованное место, где даже самые лучшие намерения не доводят до добра? Давайте попробуем в этом разобраться.

Глава 1

История мудрой царевны

Ей было суждено провести жизнь в заключении. Впрочем, в заключении весьма почетном – в царском тереме. Она родилась шестым ребенком и четвертой дочерью в очень большой семье. Всего их было пятнадцать братьев и сестер, двенадцать из которых приходились ей родными по отцу и по матери, а двое – только единокровными.

Современники говорили о ней: «Она имела много ума, сочиняла стихи, писала и говорила хорошо, с приятной наружностью соединяла множество талантов; они были омрачены только ее честолюбием».

Иностранным послам она казалась вовсе не красивой и отличалась тучностью; но на Руси в XVII веке полнота женщины не считалась пороком.

При крещении она получила имя Софья в честь святой Софии – христианки-мученицы, жившей во II веке в Риме и бывшей матерью трех дочерей: Пистис, Элпис и Агапе, то есть, в переводе с греческого, Веры, Надежды и Любви. Это имя стало традиционным в царской семье, к которой она принадлежала, – так же звалась ее рано умершая тетка, царевна Софья Михайловна.

Семья

Ее род пребывал на русском троне не очень давно. Первый царь в семье – ее дед – Михаил Федорович Романов, сын боярина Федора Романова, племянника царицы Анастасии, первой жены Ивана IV Грозного, и неудачливого соперника Бориса Годунова в борьбе за царский трон. Именно по приказанию Годунова Федора насильственно постригли в монастырь под именем Филарета.

Годунов полагал, что на этом притязания Федора на трон закончатся. Но не тут-то было! Когда умер Годунов и был низложен последний русский царь из рода Рюриковичей, Василий Иоаннович Шуйский, наступило так называемое Смутное время. Спустя почти триста лет насмешник Алексей Константинович Толстой напишет:

Взошел на трон Василий,
Но вскоре всей землей
Его мы попросили,
Чтоб он сошел долой.

Вернулись поляки,
Казаков привели;
Пошел сумбур и драки:
Поляки и казаки,

Казаки и поляки
Нас паки бьют и паки;
Мы ж без царя как раки
Горюем на мели.

Чтоб трон поправить царский
И вновь царя избрать,
Тут Минин и Пожарский
Скорей собрали рать.
И выгнала их сила
Поляков снова вон,
Земля же Михаила
Взвела на русский трон.

Свершилось то летом;
Но был ли уговор —
История об этом
Молчит до этих пор.

В самом деле, после победы над польскими интервентами на престоле оказался юный Михаил Романов, племянник Шуйского, родной сын Филарета, в ту пору митрополита Ростовского и Ярославского, поддерживавшего связи с поляками. Возможно, его выбрали как заведомо слабого и молодого царя, который не стал бы мешать остальным группировкам бороться за власть. 21 февраля 1613 года обнародовали решение Земского собора об избрании Михаила Федоровича Романова на московский престол. Бояре целовали крест и поклялись в своей верности новому царю. Что они думали при этом, осталось неизвестным.

Инокия Марфа

Патриарх Филарет

Г. Угрюмов. Призвание Михаила Федоровича Романова на царство 14 марта 1613 г.

Михаил Федорович провел первые годы царствования, сражаясь с поляками, литовцами, шведами, казаками. Федор Никитич переехал в Москву и взял правление в свои руки.

И одна из первых «подковерных» схваток развернулась вокруг невесты царя. В 1616 году Михаилу исполнилось 20 лет и настала пора жениться. По заведенному еще при Рюриковичах обычаю, во дворец стали собирать невест – это были русские девушки. Уже много лет русские цари, как и византийские императоры, не женились на иноземках, а заключали союз с тем или

иным могущественным боярским родом. Мать царя, инокиня Марфа, не менее властолюбивая, чем ее муж, и так же, как и он, в свое время насильно постриженная в монахини, прочила за сына девушку из знатной боярской семьи польского происхождения – Салтыковых, с которым она когда-то породнилась через брак сестры.

И. Ведекинд. Портрет царя Михаила Федоровича Романова

Но молодой царь неожиданно для всех выбрал Марию Хлопову – писаную красавицу, дочь ничем не примечательного боярина. Марфа не могла отказаться от поддержки Салтыковых, и Мария, теперь нареченная Анастасией и взятая «наверх» в терем царской невестой, начинает чахнуть. У нее болит желудок, ее постоянно рвет, белки ее глаз пожелтели. Все это «доказывало», что невеста «испорчена». И Марфа потребовала ее удаления из дворца. Хлопов бил челом и клался, что расстройство желудка случилось у его дочери от сластей, которыми в непривычном ей изобилии потчевали ее в царском дворце. Михаил настоял на проведении следствия, которое установило вину Салтыковых. Как раз в это время вернувшийся из плена патриарх Филарет поддержал сына, но Марфа неумолима. Она пригрозила возражавшему ей сыну, что покинет его царство, если он все же женится на Хлоповой. Марию отправили в ссылку в Тобольск, где она сразу выздоровела. Но было уже поздно.

Н. Неврев. Хлопова Мария

Но и Салтыковой не суждено было стать царицей – разгневанный Михаил отправил в ссылку всю ее семью, включая свою тетку. Царю сосватали новую невесту – Марию Долгорукову. Свадьба состоялась в сентябре 1624 года. Но через несколько недель после венчания молодая царица заболела и вскоре скончалась. И 5 февраля 1626 года Михаил венчается с Евдокией Стрешневой. От этого брака родилось десять детей. Старший сын и третий ребенок в семье – будущий отец Софьи, Алексей Михайлович.

Отец

В первый раз Алексей Михайлович женился на Марии Ильиничне Милославской. Перед свадьбой снова состоялась церемония выбора невест, и Алексей, как и его отец, «выбрал неправильно». На этот раз приглянувшаяся жениху невеста не понравилась царскому воспитателю Борису Морозову. Русский историк XIX века Н. Н. Костомаров рассказывает нам, что происходило: «Царь выбрал Евфимию Федоровну Всеволожскую, дочь касимовского помещика, но когда ее в первый раз одели в царскую одежду, то женщины затянули ей волосы так крепко, что она, явившись перед царем, упала в обморок. Это приписали падучей болезни. Опала постигла отца невесты за то, что он, как обвиняли его, скрыл болезнь дочери. Его сослали со всею семьею в Тюмень, впоследствии возвращен в свое имение, откуда не имел права куда-либо выезжать».

Алексей Михайлович Романов

Происшествие с невестой так подействовало на царя, что он несколько дней не ел ничего и тосковал, а боярин Морозов стал развлекать его охотой за медведями и волками. Молва, однако, приписывала несчастья Всеволожской козням этого боярина, который боялся, чтобы родня будущей царицы не захватила власти и не оттеснила его от царя. Морозов всеми силами старался занять царя забавами, чтобы самому со своими подручниками править государством, и удалял от двора всякого, кто не был ему покорен. Одних посылали подальше на воеводства, а других – и в ссылку. Последнего рода участь постигла тогда одного из самых близких людей к царю, его родного дядю по матери, Стрешнева. Его обвинили в волшебстве и сослали в Вологду.

Более всего нужно было Морозову, для упрочения своей власти, женить царя так, чтобы новая родня была с ним заодно. Морозов нашел этот способ. Был у него верный подручник, дворянин Илья Данилович Милославский, у которого были две красивые дочери. Морозов составил план выдать одну из них за царя, а на другой жениться самому. Боярин расхвалил царю дочерей Милославского и, прежде всего, дал царю случай увидеть их в Успенском соборе. Царь засмотрелся на одну из них, пока она молилась. Вслед за тем царь велел позвать ее с сестрою к царским сестрам, явился туда сам и, разглядевши поближе, нарек ее своею невестою. 16 января 1648 года Алексей Михайлович сочетался браком с Мариєю Ильиничною Милославскою. Свадьба эта, сообразно набожным наклонностям царя, отличалась тем, что вместо игры на трубах и органах, вместо битья в накры (литавры), как это допускалось прежде на царских свадьбах, певчие дьяки распевали стихи из праздников и триодий. Брак этот был счастлив; Алексей Михайлович нежно любил свою жену. Когда впоследствии она была беременна, царь просил митрополита Никона молиться, чтобы ее «разнес Бог с ребеночком», и выражался в своем письме такими словами: «А какой грех станетца, и мне, ей-ей, пропасть с кручины; Бога ради, моли за нее». Но не таким оказался брак Морозова, который, через десять дней после царского венчания, женился на сестре царицы, несмотря на неравенство лет; Морозов был женат в первый раз еще в 1617. Поэтому неудивительно, что у этой брачной четы, по выражению англичанина Коллинса, вместо детей родилась ревность, которая познакомила молодую жену старого боярина с кожанною плетью в палец толщиной. Эта трагическая история в XIX веке вдохновила Всеволода Сергеевича Соловьева, старшего сына историка С.М. Соловьева, брата философа Вл. С. Соловьева, написать роман «Касимовская невеста».

Г. Седов. Выбор невесты царем Алексеем Михайловичем

Морозову, однако, эта свадьба не пошла впрок: его самовластие стало причиной народных волнений, его дом разграбили и сожгли, а сам он чудом избежал смерти и уже не смог восстановить своего влияния.

Кстати говоря, Алексей Михайлович вовсе не был таким тихим и благостным юношей, как можно подумать, глядя на его титул «Тишайший» или на портрет. Напротив, современники отмечали, что он весьма горяч, вспыльчив и при случае может пересчитать зубы проштрафившемуся боярину, а титул позаимствован из Византийской империи и означал «царь-миротворец». Существует легенда, что его Алексей Михайлович получил после умиротворения Соляного бунта, тот же титул носили и Федор Иоаннович, и Борис Годунов.

Алексей оказался весьма деятельным царем. Он не только успешно ходил в военные походы, как это и полагалось государю, но делал нечто, чего до него не делал ни один русский царь – при нем начала издаваться первая русская газета «Куранты». Зарождалась эта газета в Посольском приказе и должна была ставить царя и боярскую думу в известность о событиях за рубежом. Для этого поступающие в Посольский приказ зарубежные газеты, журналы и ведомости переводились на русский язык, затем из них отбирались важнейшие материалы и составляли, как сказали бы сейчас, «дайджест», дополняя сведениями из писем русских людей, находящихся за рубежом, и отчетов послов.

Да, именно так. Еще до Петра русские цари пристально следили за Европой и не стеснялись при случае перенимать все, что считали полезным. Например, Алексей основал в Москве новую Немецкую слободу – поселение, как сказали бы сейчас, «иностранных специалистов». Потом его сын будет проводить в этой слободе немало времени и почерпнет здесь немало идей.

А пока Алексей Михайлович женат еще первым браком и царица, Мария Милославская, каждый год рождает ему младенца.

Быть царицей

Женская половина, где жили царицы, царевны и малолетние царевичи, напоминала одновременно греческий гиникей и монастырь. При Дворе боялись «сглазу» и берегли своих правительниц.

«Ни одна государыня в Европе, – писал личный врач Алексея Михайловича курляндец Якоб Рейтенфельс, – не пользуется таким уважением подданных, как русская. Русские не смеют не только говорить свободно о своей царице, но даже и смотреть ей прямо в лицо. Когда она едет по городу или за город, то экипаж всегда бывает закрыт, чтобы никто не видал ее. Оттого она ездит обыкновенно очень рано поутру или ввечеру. Царица ходит в церковь домовую, а в другие очень редко; общественных собраний совсем не посещает. Русские так привыкли к скромному образу жизни своих государынь, что когда нынешняя царица (Наталья Кирилловна Нарышкина. – *Е. П.*), проезжая первый раз посреди народа, несколько открыла окно кареты, они не могли надивиться такому смелому поступку. Впрочем, когда ей объяснили это дело, она с примерным благоразумием охотно уступила мнению народа, освященному древностью.

Русские царицы проводят жизнь в своих покоях, в кругу благородных девиц и дам, так уединенно, что ни один мужчина, кроме слуг, не может ни видеть их, ни говорить с ними; даже почетнейшие дамы (боярыни) не всегда имеют к ним доступ. С царем садятся за стол редко (он обедает обыкновенно один, ужинает по большей части вместе с царицею.) Занятия и развлечения их состоят в вышивании и уборах».

Эти женщины пользовались косметикой. Английский врач Сэмюэль Коллинз, побывавший в Москве, писал: «Румяна их похожи на те краски, которыми мы, англичане, украшаем летом трубы наших домов и которые состоят из красной охры и испанских белил. Они чернят свои зубы с тем же намерением, с которым наши женщины носят черные мушки на лице: зубы их портятся от ртутиальных белил, и потому они превращают необходимость в украшение и называют красотой сущее безобразие. Здесь любят низкие лбы и продолговатые глаза и для того стягивают головные уборы так крепко, что после не могут закрыть глаза, так же как наши женщины не могут поднять рук и головы. Русские знают тайну чернить самые белки глаз. Маленькие ножки и стройный стан почитаются безобразием. Худощавые женщины почитаются нездоровыми, и потому те, которые от природы не склонны к толстоте, предаются всякого рода эпикурейству с намерением растолстеть: лежат целый день в постели, пьют Русскую водку (*Russian Brandy*) (очень способствующую толстоте), потом спят, а потом опять пьют». Возможно, британец несколько сгущает краски, чтобы по контрасту с «дикой варварской страной» его родина выглядела более цивилизованной. Но несомненно одно: русские царицы наводили красоту, и чтобы понравиться царю, и чтобы не ударить в грязь лицом перед своими подданными: хотя они жили замкнуто, слухи о них расходились по всей России.

Как обычная боярыня, хозяйка своего дома, царица должна была ведать запасами, одеждой. Она шила и вышивала, вместе с нею вышивали и царевны. Через двести лет другая маленькая девочка из царской семьи, великая княжна Мария Павловна, будет любоваться вышитыми ими изображениями. В своих мемуарах она напишет: «Старая часть Кремля состояла из небольших сводчатых помещений, часовен и молелен всех размеров. Одну из них я особенно любила. Она была очень маленькая, в ней едва помещалось десять человек. Святые образа на иконостасе были вышиты в семнадцатом веке дочерьми царя Алексея Михайловича. Вид этих искусно выполненных работ, потребовавших кропотливого труда, вызывал в моем воображении образы принцесс, заточенных на восточный манер в своем тереме и сидящих за пядьцами. Я видала их в высоких, украшенных драгоценными камнями головных уборах и отливающих золотом парчовых платьях, их пальцы, подбирающие по цвету шелка, были унижены кольцами».

Царица должна была устраивать обеды для боярынь. За стол гости садились в зависимости от степени родства. За соблюдением правил «рассадки» следили не менее ревниво, чем на пирах царя. Чем ближе оказывалась та или иная боярыня к царице, тем большее влияние она могла на нее иметь.

Если царице нужно было куда-нибудь ехать (обычно – на богомолье), окна ее кареты или зимний возок закрывали со всех сторон плотной тканью. В церкви царицы стояли в особых местах, завешанные легкой тафтой, но все равно присутствовать здесь в это время разрешалось только самым близким к царской семье людям.

Милославская Мария Ильинична мать царевны Софьи

Другой путешественник – барон Август Мейерберг, побывавший в Москве при царице Марии Милославской, матери нашей героини, – рассказывает, что «за столом государя никогда

не являлись ни его супруга, ни сын (Алексей Алексеевич), которому тогда было уже десять лет, ни сестры, ни дочери его. Уважение к сим особам столь велико, что они никому не показывались. Из тысячи придворных едва ли найдется один, который может похвалиться, что он видел царицу или кого-либо из сестер и дочерей государя. Даже и врач никогда не мог их видеть. Когда, однажды, по случаю болезни царицы, необходимо было призвать врача, то прежде чем ввели его в комнату к больной, завесили плотно все окна, чтоб ничего не было видно, а когда нужно было пощупать у ней пульс, то руку ее окутали тонким покровом, дабы медик не мог коснуться тела. Царица и царевны выезжают в каретах или в санях (смотря по временам года), всегда плотно и со всех сторон закрытых; в церковь они выходят по особой галерее, со всех сторон совершенно закрытой. Русские так благоговеют пред своею царицею, что не смеют на нее смотреть, и когда ее царское величество садится в карету или выходит из нее, то они падают ниц на землю». Этот обычай кажется стародавним, заведенным еще прашурами. Но на самом деле затворницами царицы стали не так давно – сказывались последствия Смутного времени.

Быть царевной

Царица могла быть неграмотной. Ее могли обучать дома, но «сдавать экзамены» ей, конечно, не приходилось. Священные книги ей читали, молитвы она знала наизусть. Однако что касается дочерей Алексея Михайловича, то они получили хорошее образование.

Им давал уроки Симеон Полоцкий – сподвижник Алексея Михайловича, один из образованнейших людей своего времени, духовный писатель, проповедник, богослов, поэт, драматург, переводчик и придворный астролог. Софья училась вместе со своими братьями и была не просто грамотна, но и начитанна, владела несколькими иностранными языками.

Симеон Полоцкий

«Терем московских царевен раскрыл свои двери для мужчин, – пишет историк М. Помяловский. – В числе первых, проникших в эти запретные прежде покои, был известный Симеон Полоцкий. Он давал уроки царским дочерям, и Софья была одной из усерднейших его учениц». Симеон давал уроки и другим царевнам, но все же, видимо, выделял Софью. Именно ей он подарил свою «Псалтырь рифмотворную» – сборник стихотворных переводов псалмов для Алексея Михайловича. Книгу украшала миниатюра с изображением царя Давида, а на первых страницах помещено посвящение Софье в серебряной узорчатой рамке.

На другой книге Симеона – катихизисе под заглавием «Венец Веры» – стихотворное посвящение, обращенное непосредственно к Софье:

О благороднейшая царевна Софиа,
Ищещи премудрости выну небесная.
По имени твоему жизнь твою ведещи:
Мудрая глаголещи, мудрая дееши...
Ты церковныя книги обыкла читати
И в отеческих свитцех мудрости искати...

Затем Полоцкий сообщает, что царевна, узнавши о том, что сочиняется эта новая книга, «возжелала сама ее созерцати и еще в черни бывшу [черновую] прилежно читати» и приказала переписать и переплести для себя. Симеон восхваляет милосердие царевны, говорит, что оно елей и что елей мудрым девам необходим бывает.

Мудрейшая ты в девах! у бо подобает
Да светильник сердца ти светлее сияет:
Обилуя елеем милости к убогим,
Сию спряжа доброту к иным твоим многим.
Но и сопрягла еси, ибо серебро, злато, —
Все обратила еси милостивне на то,
Да нищим расточиши, инокам даеши,
Молитв о отце твоём теплых требуеши.
И аз грешный многажды сподобихся взяти,
Юже ты милостыню vele щедро дати...

Какая судьба ожидала царевну? Царских дочерей не отдавали замуж – нельзя давать такой козырь в руки одного из боярских родов, а выдать русскую православную царевну замуж за иноверца и вовсе невысказано. После того как один из их братьев становился царем, они обычно постригались в монахи.

Но пока царевны жили во дворце, где были устроены специальные «Потешные палаты» с целым штатом «разного рода потешников», они могли порадовать себя, если не участвуя в различных развлечениях, то хотя бы наблюдая за ними.

Иван Забелин в своей книге «Домашний быт русских цариц в XVI и XVII столетии» пишет: «Во дворце, как видели, устраивались обычные народные игры, например качели на Святой и горы на Маслянице; во дворце постоянно играли в шахматы и шашки, тавлеи, саки, бирки, а также и в карты... Есть свидетельство, что „треклятые“ органные гласы раздавались из дворца перед лицом всенародного множества... часы с музыкою в XVI ст. уже украшали этот дворец и забавляли царское семейство своею чудною игрою». Он же рассказывает о шутах и шутихах и карликах и карлицах, которые веселили хозяев и гостей царского дворца.

Царевна Софья Алексеевна

Царевна Марфа Алексеевна

Но, вероятно, самую большую радость Софье доставляли визиты князя Василия Васильевича Голицына. Связанный с царской семьей родством и дружбой, он имел привилегию навещать царицу и царских детей. Князь был из тех русских, кто живо интересовался европейской политикой, европейским образом жизни, европейской культурой. (А таких при Дворе Алексея Михайловича становилось все больше.)

Вот слова о нем французского посла Фуа де ла Невилля (в передаче С. М. Соловьева): «Я думал, что нахожусь при дворе какого-нибудь итальянского государя. Разговор шел на латинском языке обо всем, что происходило важного тогда в Европе; Голицын хотел знать мое мнение о войне, которую император и столько других государей вели против Франции, и особенно об английской революции; он велел мне поднести всякого сорта водок и вин, советуя в то же время не пить их. Голицын хотел населить пустыни, обогатить нищих, дикарей, сделать их людьми, трусов сделать храбрыми, пастушеские шалаши превратить в каменные палаты. Дом Голицына был один из великолепнейших в Европе».

Василий Васильевич Голицын

Голицын, несомненно, произвел очень сильное впечатление на Софью, и она сильно привязалась к нему. В письмах она звала его «свет братец Васенька», «свет батюшка, душа моя, сердце мое», а однажды собственноручно сделала такую надпись на его портрете:

«Камо бежиши, воин избранный,
Многажды славне честию венчанный!
Трудов сицевых и воинской брани,
Вечно ты славы дотекше, престани.
Не ты, но образ Князя преславного
Во всяких странах, зде начертанного,
Отныне будет славою сияти,

Честь Голицынов везде прославляти».

Была ли она влюблена в этого мужчину, который на четырнадцать лет ее старше? Может быть. Были ли они любовниками? Это, кроме всего прочего, было бы возможно только при большой свободе нравов и некоторой развращенности обоих. Голицын мало того, что был гораздо старше Софьи, мало того, что находился с ней в родстве и пользовался доверием ее отца и матери, он еще был женат, и у него было пятеро детей.

Несомненно только одно – Голицын – верный друг Софии в дни ее «теремного затворничества» и верный сподвижник в дни ее царствования.

Мачеха

Мария Милославская умерла от родовой горячки в 1669 году. И через два года Алексей Михайлович женился на молодой и веселой боярской дочери Наталье Нарышкиной.

Наталья Нарышкина получила необычное для своего времени воспитание. Если среди мужчин высшего сословия подражать европейцам не было редкостью (этим грешил не только Голицын, но и задолго до него брат Филарета и дядя Михаила Иван), то для женщин это совершенно неприемлемо. Однако Наталья выросла в доме еще одного друга царя – боярина Артамона Матвеева, большого любителя наук. Свои палаты он обставил на западный манер, а его жена – шотландка Мэри Гамильтон, в России получившая имя Евдокия, – завела в доме европейские порядки. (К слову, узнав о казни английского короля Карла, Алексей не остался равнодушным. Он сразу выслал из России всех британских торговцев, выразив тем свое возмущение и заодно освободив рынок для русских купцов.)

Мэри Гамильтон – настоящая светская дама, умеющая бывать в обществе и вести просвещенные беседы с гостями мужа. В том же духе она воспитывала и Наталью.

Вероятно, Алексей Михайлович не смог устоять против столь редкого на Руси удовольствия: беседы с умной изящной девушкой, державшейся одновременно скромно и непринужденно. Он выбрал ее себе в жены из 70 невест, прибывших по традиции на царские смотрины.

«Нынешняя царица Наталья хотя отечественные обычаи сохраняет ненарушимо, однако ж будучи одарена сильным умом и характером возвышенным не стесняет себя мелочами и ведет жизнь несколько свободнее и веселее. Мы два раза видели ее в Москве, когда она была еще девицею. Это женщина в самых цветущих летах, росту величавого, с черными глазами навывкате, лице имеет приятное, рот круглый, чело высокое, во всех членах тела изящную соразмерность, голос звонкий и приятный и манеры самые грациозные», – писал о Нарышкиной личный царский врач Якоб Рейтенфельс.

Нарышкина Наталья Кирилловна, мать Петра I

«Свобода и веселье» молодой царицы удивляли иностранцев и вызвали недовольство у соотечественников. В начале своей жизни Алексей Михайлович очень серьезный и набожный юноша, на их свадьбе с Марией Милославской не было скоморохов, хотя обычай предписывал их участие в торжествах. Теперь с молодой женой царь начал позволять себе просто веселиться. Они с Натальей катались по столице в карете с незанавешенными окнами, что шокировало москвичей.

Церковь и сам уклад жизни предписывали любому человеку скромность и воздержание от мирских утех. Знаменитый «Домострой», написанный веком ранее, наставлял: «А если при

этом [за трапезой] грубые и бесстыдные речи звучат, непристойное срамословие, смех, забавы разные или игра на гусях и всякая музыка, пляски и хлопанье в ладоши, и скачут, всякие игры и песни бесовские, – тогда, словно дым отгоняет пчел, отойдут и ангелы Божьи от этой трапезы и непристойной беседы» (гл. 15). И осуждал тех, кто «в дерзости своей страха Божьего не имеет и воли Божией не творит, закону христианского отеческого предания не следует... и всякую мерзость творят и всякие богоотвратные дела: блуд, распутство, сквернословие и срамословие, бесовские песни, пляски и скакание, игру на бубнах, трубах, сопелках, заводят медведей и птиц и ловчих собак и конские гонки устраивают, – все, угодное бесам...» (гл. 8). И еще: «А кто живет не по-Божьи... колдовством занимается и волхвует или зелье варит; или на охоту ходит с собаками и птицами и с медведями; и творит все, угодное дьяволу, скоморохов с их ремеслом, пляски и игры, песни бесовские любит, и костями, и шахматами увлекается, – так вот, если сам господин и дети его и слуги его, и его домочадцы все такое творят, а господин им в том не препятствует и не спасает их души, уклонившимся не помогая, – прямиком все вместе в ад попадут, да и здесь уже прокляты всеми» (гл. 28).

Разумеется, жизнь обычных людей далека от этого идеала, это понимали и в XVII веке. Но царицы были особенными существами, они должны стать заступницами перед Богом за грехи своих подданных, обязаны проводить время в молитвах и благотворительных делах.

Наталья Кирилловна старалась соблюдать все установления, но Алексею хотелось удивить и порадовать ее. И он задумал небывалую прежде потеху – театральное действо. Поскольку он был благоразумным царем, он советовался со своими боярами, стоит ли вводить на Руси этот иноземный обычай. Ему ответили, что подобные представления случались при Дворе византийских императоров и что при Дворах европейских государей такое тоже принято. Этот замечательный ответ дает нам понять, что дело было не в одной Наталье Кирилловне – за последние годы Россия пусть медленно, но уверенно поворачивалась к Европе лицом, пытаясь сохранить притом свои, присущие только ей черты.

И все же пьеса, кажется, была личным посланием царя к царице, посланием, поднесенным с безупречной галантностью. Ее ставили в летней резиденции царской семьи – подмосковном селе Преображенское. Автором пьесы и режиссером стал проживавший тогда в Москве лютеранский пастор Иоганн Готфрид Грегори. Он собрал 64 подростка – детей служилых и торговых иноземцев и обучил их театральной науке.

Пьеса «Есфирь», или «Артаксерксово действо», была рассчитана на 10 часов игры, но царь смотрел всё, не сходя с места. И немудрено – некоторые монологи пьесы звучали, как страстное признание в любви Наталье, которое в реальной жизни неуместно для его царственной особы:

О живота моего утешение
И сердца моего услаждение!
Скорбь бо в грудех моих пребывает,
Зане сила ми оскудевает,
Яко же сердце мое желает изъявити,
Како ты души моего сердца имам любить!

Артаксерксово действо

Наталья Кирилловна смотрела из «женской ложи» – отделенной от прочего зрительного зала занавесом. Здесь же находились и царевны, в том числе и Софья. Но с окончанием «Комедии об Есфири» праздник не закончился. Теперь для царя, царицы и царевен «в органы играли и на фиолях, и в страменты, и танцовали». Это был – «балет об Орфее». Но Орфей, прежде чем «начал плясать между двумя движущимися пирамидами», тоже пропел довольно пространные хвалебные стихи царю, начинавшиеся восклицанием: «Наконец-то настал тот долгожданный день. Когда и нам можно послужить тебе, Великий царь, и потешить тебя!».

Балет составили из десяти пар танцоров, которым «зделано платьє киндячное пяти цвєтов, десять саянов, десять вамсов с руковами», десять немецких кафтанов, «десять аплечєв, да десять галстухов, да на головы десять капоров». Пятерых танцоров одели в красные «саяны с кружевом мишурным», в красные гарусные чулки; пять других – в такое же зеленое платьє и зеленые чулки. Для десяти танцоров «десять шляп куплено черных немецких, да десять пар рукавиц персчатых алєньих» (вероятно, они изображали кавалеров), и все они были наряжены в белые немецкие сафьяновые башмаки. «Хореографом» стал швед «инженер Миколай Лим». Первым среди танцоров оказался «житель Мещанской слободы Тимошка Блисов».

В следующем, 1673 году Грегори поставил второй спектакль, тоже на библейский сюжет: «Комедия из книги Иудифь», или «Олоферново действо». Под его легким пером история суровой патриотки Юдифи, казнившей вражеского полководца Олоферна, превратилась также в историю любви.

Олоферн говорил Юдифи: «Не зрише ли, прекрасная богиня, яко сила красоты твоя мя уже отчасти преодолевает? Смотрю на тя, но уже и видети не могу. Хошу же говорити, но языком больши прореши не могу. Хошу, хошу, но не могу же, не тако от вина, яко от силы красоты твоя низпадаю!». Но уже очень скоро Наталье и Софье придется покинуть уединенную женскую обитель и вступить в открытое единоборство, которое потрясет всю Россию.

Смерть отца

У Алексея Михайловича и Марии Ильиничны было 13 детей. Два их старших сына умерли еще при его жизни: первенец – младенцем, второй, уже представленный народу как наследник, – 15-летним. В младенчестве умерли и две девочки. Ко времени кончины царя его старшему сыну Федору исполнилось 14 лет, второму сыну, Иоанну, – 10.

Наталья Кирилловна успела родить царю трех детей: сына Петра – крепкого, живого и сообразительного мальчика (ему в год смерти отца исполнилось 4 года), дочь, названную по имени матери Натальей, и еще одну дочь – Феодору, которая скончалась в младенчестве.

Вопрос наследования решился просто: Федора провозгласили царем. Вдовая царица с двумя своими малолетними детьми осталась жить во дворце на женской половине вместе с царевнами, дочерьми Марии Ильиничны: 29-летней Евдокией, 24-летней Марфой, 19-летней Софьей, 18-летней Екатериной, 16-летней Марией и 14-летней Феодосией.

Артамон Сергеевич Матвеев

Вокруг царевен начала формироваться некая политическая партия, враждебная царице. Николай Иванович Костомаров пишет: «Шестеро сестер нового государя ненавидели мачеху Наталью Кирилловну; с ними заодно были и тетки, старые девы, дочери царя Михаила; около них естественно собрался кружок бояр; ненависть к Наталье Кирилловне распространялась на родственников и на сторонников последней. Прежде всех и более всех должен был потерпеть Артамон Сергеевич Матвеев, как воспитатель царицы Натальи и самый сильный человек в последние годы прошлого царствования. Его главными врагами, – кроме царевен, в особенности Софьи, самой видной по уму и силе характера, и женщин, окружавших царевен, – были

Милославские, родственники царя с материнской стороны, из которых главный был боярин Иван Михайлович Милославский, злобившийся на Матвеева за то, что Артамон Сергеевич обличал перед царем его злоупотребления и довел до того, что царь удалил его в Астрахань на воеводство. С Милославскими заодно был сильный боярин оружничий Богдан Матвеевич Хитрово; и у этого человека ненависть к Матвееву возникла от того, что последний указывал, как Хитрово, начальствуя Приказом Большого Дворца, вместе со своим племянником Александром обогащался незаконным образом за счет дворцовых имений, похищал в свою пользу находившиеся у него в заведывании дворцовые запасы и брал взятки с дворцовых подрядчиков. Царь Алексей Михайлович был такой человек, что, открывая ему правду насчет бояр, Матвеев не мог подвергнуть виновных достойному наказанию, а только подготовил себе непримиримых врагов на будущее время. У Хитрово была родственница, боярыня Анна Петровна; она славилась своим постничеством, но была женщина злая и хитрая: она действовала на слабого и больного царя вместе с царевнами и вооружала его против Матвеева, сверх того врагом Матвеева был окольничий Василий Волинский, поставленный в Посольский приказ, человек малограмотный, но богатый, щеголявший хлебосольством и роскошью. Созывая к себе на пиры вельмож, он всеми силами старался восстановить их против Матвеева. Наконец, могущественные бояре: князь Юрий Долгорукий, государев дядька Федор Федорович Куракин, Родион Стрешнев также были нерасположены к Матвееву».

Под властью брата

А что же молодой царь? Костомаров пишет о нем: «Еще менее можно было ожидать действительной силы от особы, носившей титул самодержавного государя по смерти Алексея Михайловича. Старший сын его Федор, мальчик четырнадцати лет, был уже поражен неизлечимой болезнью и едва мог ходить. Само собою разумеется, что власть была у него в руках только по имени». Это заключение кажется очень логичным. Федор, действительно, был молод и действительно был болен. То ли он страдал от цинги, то ли от сердечной, то ли от венозной недостаточности, но ноги его страшно опухали, и даже на похороны отца его принесли в кресле. Конечно же, такой юный и такой слабый царь не мог быть сильным политиком. Но современные историки готовы поправить Костомарова.

Федор Алексеевич Романов

Федор успел получить образование, подобающее наследнику. Он писал по-гречески, говорил по-польски, знал математику, «писал вирши», то есть стихи, намеревался писать историю России. У Федора были свои «потешные ребятки», какие будут потом и у Петра Алексеевича. С ними он учился стрелять из лука, из огнестрельного оружия, любил охотиться с ловчими птицами, был знатоком лошадей и выписывал жеребцов-производителей для своих конюшен из Европы.

Став царем, он не ограничивался тем, что приказывал ставить печати на свои указы, как это делал его отец, а лично их просматривал и подписывал. В первые годы он опирался на семью Милославских. Вербуя новых сторонников, он увеличил Боярскую думу и загрузил ее делами, добиваясь того, чтобы она из обычной придворной «синекуры» стала реально работающим законодательным органом наподобие римского Сената.

Другой важной государственной задачей, которую поставил перед собой Федор, – борьба с местничеством. Местничество – преимущественное право наиболее знатных боярских родов на замещение государственных должностей, которое позволяло немногочисленным боярским семьям контролировать государя. Сам Иван Грозный просил (именно просил!) своих бояр не местничать во время боевых действий, но если те не хотели отказаться от своих привилегий, царь Иван ничего не мог с этим поделать. Бояре продолжали «местничать» – то есть бастовать, не выполнять приказы государя под тем предлогом, что их род обошли в чинах, и, по сути, развязывали маленькие гражданские войны. Царь же Федор отменил местничество во время войны Руси с Османской империей под тем предлогом, что такое поведение «лучших людей государства» недопустимо в военное время, а, кроме того, «местничество благословенной любви вредительно, мира и братского соединения искоренительно». С этими словами царь Федор приказал сжечь «разрядные книги», в которых указывались статусы и привилегии боярских родов, а вместо них создал новые книги. В них вписывались служилые люди, разделенные на шесть разрядов и чины. Таким образом, Федор создал «черновой вариант» «Табели о рангах».

При нем подписали Бахчисарайский мир, согласно которому граница между Турцией и Россией устанавливалась по Днепру, султан и крымский хан обязались не помогать врагам России, Россия присоединяла левобережные земли Днепра и Киев с округой. Для того чтобы «достойно выступить» в войне, пришлось срочно переоснастить армию, построить на воронежских верфях флотилию галер, которые позже действовали у Крымского побережья, и провести налоговую реформу, причем, увеличив сборы с церковных имений, царь изыскал возможность сократить налоги и стимулировать тем самым производство. А для налоговой реформы понадобилось провести перепись населения, что и было сделано. Для борьбы с кочевниками начали масштабное строительство оборонительных сооружений по краю Дикого поля.

Он же отменил жестокий старый закон, по которому попавшимся во второй раз ворами отрубали руки, и велел вместо этого ссылать преступников в Сибирь, «на пашню», и первым начал строить государственные богадельни, где инвалиды могли заниматься доступными им ремеслами. Также Федор основал в Москве славяно-греческую школу – будущую Славяно-греко-латинскую академию. Он планировал создание университета с программой по примеру европейских университетов, который готовил бы будущих государственных чиновников. Но против этого резко выступил патриарх, потому что вслед за латинским языком в Россию неизбежно пришли бы книги католических богословов.

Федор Алексеевич начал масштабную перестройку Московского Кремля и Москвы в целом. При этом особый упор делал на строительстве светских зданий, почти 10 000 из них были каменными. Кредиты на их строительство Федор щедро раздавал из государственной казны. Также он создал новые противопожарные службы. По приказу царя в Кремле разбили новые височные сады.

Федор Алексеевич приказал устроить в Кремле символический образ храма Гроба Господня и Воскресения Христова в Иерусалиме. Возможно, идею ему подал патриарх Никон, создавший в Ново-Иерусалимском Воскресенском монастыре под Москвой «великое подобие» главного храма Господня. По приказу Федора перестроили домовые храмы Теремного дворца. Церковь Евдокии переосветили в честь Воскресения Словущего, при ней на хорах основана Распятская (Крестовоздвиженская) церковь, а между Словущенским храмом и Верхоспасским собором устроили Голгофу. Там, в пещере, на большом камне установили кипарисовое Распятие и поставили символический Гроб Господень, над которым парили херувимы и горели 12 стеклянных лампад. Позже для Гроба Господня устроили отдельный вертоград подле покоев царя Федора.

Легенда гласит, что Федор хотел отселить Наталью Нарышкину с детьми подальше от царского дворца. Когда же она наотрез отказалась, он не стал спорить, а... перенес сам дворец. Так это было на самом деле или нет, но ясно, что Федору не за что было любить «партию Нарышкиных», хотя к вдове своего отца и к ее детям он относился с неизменным уважением и заботился о них, как и подобало главе семьи. Так, для игр маленького Петра он приказал сделать специальную палату, в которой были лошадки, барабаны, солдатики, пушки и походные шатры. Он же приказал собрать для Петра потешную ватагу – будущий Семеновский и Измайловский полки, которые позже станут одними из главных опор нового государя.

Комнаты царевен в новом дворце были покрыты росписями на библейские сюжеты. В росписи комнаты царевны Софьи присутствовали образы души чистой и души грешной, тьмой помраченной. В конце XVII века она повелела сделать для домовоей Екатерининской церкви новый иконостас в образе райского сада.

В те годы Софья находилась рядом с братом. Забота о больном, к которому она была искренне привязана, помогала ей выйти из своих покоев и участвовать в заседаниях Боярской думы при обсуждениях политики хотя бы только в качестве слушательницы. А слушала она, как показало будущее, очень внимательно. Вероятно, она оценила разумную рачительность брата и сделала свои выводы. К ней начинают обращаться с просьбами донести до царя ту или иную челобитную, она словно выходит из «зоны невидимости», в которой пребывали русские царевны.

Править Федору довелось всего шесть лет. За столь короткий срок Федор сделал поразительно много. Кроме того, за это время он успел жениться, и жена родила ему сына Илью. Федору удалось то, что не удалось его отцу и деду – он женился по любви. Его жена Аграфена Грушецкая наполовину полячка, не принадлежала к знатым родам, и бояре, не желавшие этого брака, клеветали на нее и обвиняли в распутстве, и тем не менее, в отличие от Михаила и Алексея, Федор сумел настоять на своем. В тот год, что он прожил с женой, во дворце завели новые порядки: на пиры больше не пускали гостей в длиннополых кафтанах, царь теперь считал, что они напоминают женские платья и предпочитал одежду на польский манер и польские шапки, оставлявшие волосы открытыми. Бороды при Федоре не рубили насильно, а брили, повинаясь диктату новой моды. Но через год молодая царица умерла в родах, а через десять дней скончался и младенец. Федора спешно женили еще раз, но он уже тяжело болел, и детей во втором браке не имел.

Когда он скончался, так и не оставив наследника, стало ясно, что Россию ожидает новая кровопролитная битва за власть.

Пешечная атака

В этой борьбе у Милославских был, как сказали бы шахматисты, «выигрыш темпа»: следующий по старшинству сын Алексея Михайловича – Иоанн, которому уже 15 лет, то есть вполне легитимный возраст для коронации. Михаил в свое время был не старше, когда взшел на трон.

Но у Нарышкиных «выигрыш качества»: Иоанн болезнен, как и его старший брат, и, по слухам, слаб умом. Тогда как Петр, ставленник Нарышкиных, – крепкий, смелый и живой мальчик. И Нарышкиным удастся «провести свою пешку в ферзи», то есть короновать своего ставленника – 10-летнего Петра.

Неожиданно Софья понимает, какую партию нужно разыграть. Во всяком случае, для московских бояр ее следующий ход стал полной неожиданностью. На похоронах Федора, вопреки всем обычаям и приличиям, царевна вышла из своего терема, приняла участие в погребальном шествии, шагая за катафалком наравне с Петром. И не молчала! Напротив: громко плача, царевна объявила, что царя Федора отравили враги, и молила не губить ее с братом Иоанном, а позволить им уехать за границу. «Брат наш, царь Федор, нечаянно отошел со света отравой от врагов, – причитала Софья. – Умилосердитесь, добрые люди, над нами, сиротами. Нет у нас ни батюшки, ни матушки, ни брата царя. Иван, наш брат, не избран на царство. Если мы чем перед вами или боярами провинились, отпустите нас живых в чужую землю к христианским королям...» Разумеется, бояре тут же принялись уверять царевну и царевича, что никуда их не отпустят и позаботятся об их поправленных правах. Царица Наталья с малолетним царем, не достояв церковной службы, удалились в свои покои.

Комбинация была разыграна успешно, и Петру с Натальей грозил шах. И прежде чем они начнут контратаковать, Софье следовало сделать следующий ход.

Незадолго до смерти Федора стрельцы подали ему челобитную о том, что полковник Грибоедов забирает у них большую часть жалования. Федор успел написать указ: Грибоедова лишить имущества и сослать в Сибирь.

То ли стрельцы так и не успокоились, то ли кто-то искусно подогревал их недовольство, но 15 мая 1682 года стрельцы являлись к Кремлю с криками, что Нарышкины задушили царевича Иоанна. Наталья Кирилловна, пытаясь успокоить их, вышла на Красное крыльцо вместе с патриархом, боярами, царем Петром и царевичем Иоанном. Однако это не усмирило восставших. Пешки решительно атаковали фигуры.

Н. Д. Дмитриев-Оренбургский. «Царица Наталья Кирилловна показывает Ивана V стрельцам»

Вот как историк Костомаров описывает апогей стрелецкого бунта. Стрельцы ищут Ивана Нарышкина, брата царицы Натальи, который, по слухам, надевал на себя царский венец и садился на трон, а когда Софья и Иоанн стали его укорять, то он накинулся на них с кулаками, а потом едва не задушил Иоанна.

«На другой день, – рассказывает Костомаров, – часов в десять утра, опять раздался набат; стрельцы с барабанным боем и криками явились ко дворцу и требовали выдачи Ивана Нарышкина. Им ответили, что его нет. Снова стрельцы ворвались во дворец искать свою жертву, убили думного дьяка Аверкия Кириллова, убили бывшего своего полковника Дохтурова, потребовали выдачи иноземного врача Даниэля, которого обвиняли в отравлении Федора, и так как нигде не могли найти его, то в досаде убили его помощника Гутменюша и 22-летнего сына Даниэлева, Михаила; хотели было умертвить и Даниэлеву жену, но царица Марфа Матвеевна выпросила ей жизнь. Несмотря на все поиски, стрельцы все-таки не могли отыскать Ивана Нарышкина. Царицына постельница Клушина запрятала его в чулан и заложила подушками. Стрельцы шарили повсюду, тыкали копьями подушки, за которыми скрывался боярин, но не нашли его. Вместо него, по ошибке, был убит схожий с ним юноша, родственник Нарышкиных, Филимонов. Хотели было тогда стрельцы умертвить отца царицы Натальи; царица слезами вымолила ему жизнь. Стрельцы согласились пощадить его только с тем, чтобы он немедленно был сослан в Кирилло-Белозерский монастырь и постригся в монахи. Трех его несовершеннолетних сыновей приговорили также отправить в ссылку.

Не нашедши Ивана, толпа с криками и непристойными ругательствами вышла из Кремля, расставивши опять караулы у ворот. Они кричали, что не усмирятся до тех пор, пока им не выдадут Ивана Нарышкина и доктора Даниэля. По всей Москве происходило бесчинство; были и убийства. Тогда погиб и бывший любимец Федора Языков, которого нашли в доме одного священника. Ему отрубили голову на площади.

17 мая, рано утром, в Немецкой слободе поймали в одежде нищего и в лаптях несчастного Даниэля. Опять ударили набат; стрельцы, напившиеся до безобразия, в одних рубахах с бердышами и копьями, шли огромной толпой ко дворцу и вели впереди свою жертву; к ним вышла царица Марфа Матвеевна и царевны. Они уверяли разъярившихся стрельцов, что Даниэль не виновен, что они сами отведывали лекарство, которое подавали царю. Все было напрасно. Даниэля повели в застенок, пытали, а потом рассекли на части.

Но стрельцы этим не удовольствовались, настойчиво требовали выдачи Ивана Нарышкина и говорили, что не уйдут из дворца, пока им не выдадут его.

Тут царевна Софья начала говорить царице Наталье: „Никоим образом нельзя тебе избыть, чтоб не выдать Ивана Кирилловича Нарышкина. Разве нам всем пропадать из-за него?“.

Царица отправилась с царевной в церковь „Спаса за Золотой Решеткою“ и приказала привести туда Ивана.

Иван Нарышкин вышел из своего закоулка, причастился Св. Таин и соборовался. Софья изъясняла сожаление о его судьбе и сама дала царице Наталье образ Богородицы, чтобы та передала своему брату. „Быть может, – говорила Софья, – стрельцы устроятся этой святой иконы и отпустят Ивана Кирилловича“. Бывший при этом боярин Яков Одоевский сказал царице Наталье: „Сколько тебе, государыня, ни жалеть брата, а отдать его нужно будет; и тебе, Иван, идти надобно поскорее. Не всем из-за тебя погибнуть“.

Царица и царевна с Нарышкиным вышли из церкви и подошли к золотой решетке, за которую уже ждали стрельцы. Отворили решетку; стрельцы, не уважая ни иконы, которую нес Нарышкин, ни присутствия царственных женщин, бросились на Ивана с непристойной бранью, схватили за волосы, стащили вниз по лестнице и проволокли через весь Кремль в застенок, называемый Константиновским. Там подвергли его жестокой пытке, оттуда повели на Красную площадь, подняли на копьях вверх, потом изрубили на мелкие куски и втоптывали их в грязь.

Стрелецкое возмущение тотчас повлекло за собою и другие смуты: взбунтовались боярские холопы. Стрельцы им потакали и вместе с ними напали толпой на Холопий приказ, разломали сундуки, отбили замки, разорвали кабальные книги и разные государевы грамоты. Стрельцы, присваивая себе право распоряжаться законодательством, кричали: „Даем полную волю на все четыре стороны всем слугам боярским. Все крепости на них разодраны и разбросаны“. Но большая часть освобожденных холопов возвращалась к своим прежним господам, а иные воспользовались своей свободой, чтобы вновь закабалить себя другим.

Царевна Софья, как бы из желания прекратить бесчинства, призвала к себе выборных стрельцов и объявила, что назначает на каждого стрельца по десяти рублей. Эта сумма, независимо от обыкновенного жалованья, идущего стрельцам, будет собрана с крестьян, имений церковных и приказных людей. Сверх того, стрельцам предоставлено было продавать имущество убитых и сосланных ими лиц. Наконец, по просьбе стрельцов, положено было выплатить им, пушкарям и солдатам за несколько лет назад заслуженное жалованье, что составляло 240 000 рублей. Софья наименовала стрельцов „надворною пехотою“ и уговаривала более никого не убивать и оставаться спокойными. Она назначила над ними главным начальником князя Хованского. Стрельцы очень любили его и постоянно величали своим „батюшкою“. Кирилл Нарышкин был пострижен и отправлен в Кирилло-Белозерский монастырь».

А. И. Корзухин. «Мятеж стрельцов в 1682 г.». 1882 г.

Вероятно, эти события стали одним из самых страшных воспоминаний юного Петра, в тот день он научился не доверять ни стрельцам, ни московским боярам и стремился избегать их.

Был ли этот бунт организован Милославскими, и принимала ли в его организации участие Софья? Этого мы не знаем. Но это не был «русский бунт, бессмысленный и беспощадный», стрельцы действовали по инструкции, у них были «проскрипционные списки», они знали, кого нужно убить. Но даже если Софья ничего не знала о подготовке бунта, она сумела повернуть его в свою пользу. «Нельзя ее обвинять в создании стрельцкого мятежа, но трудно было бы ждать от нее, чтобы она этим мятежом в своих видах не воспользовалась», — замечает один из ее биографов.

В конце концов, после множества убийств и бесчинств, которые совершали стрельцы, «добиваясь справедливости», были провозглашены и коронованы в Успенском соборе два царя — Иван («старший» царь) и Петр («младший»), Софью назначили при них регентшей.

Власть

Софья правила семь лет. Правила, прекрасно зная, что каждый день приближает ее отставку, – едва ее братья станут совершеннолетними, как она окажется ненужной и ей придется либо покорно уйти в тень, либо решиться на что-то немыслимое. Вероятно, она наслаждалась властью. Но наслаждалась на свой лад, не было ни оргий, ни масштабных репрессий. Софья по-настоящему «работала царицей», как работали ее отец и брат.

Она немедленно сформировала свой Кабинет министров, раздавая государственные посты своим приближенным: боярам князьям В. В. Голицыну, И. М. Милославскому, И. Б. Троекурову, В. С. Волынскому, И. Ф. Бутурлину, Н. И. Одоевскому, Ф. С. Урусову, окольным И. П. Головнину, И. Ф. Волынскому, М. С. Пушкину, стольникам князю А. И. Хованскому, князьям М. и В. Жировым-Засекиным, думным дворянам В. А. Змееву, Б. Ф. Полибину, А. И. Ржевскому, И. П. Кондыреву, думным дьякам В. Семенову, Е. Украинцеву. Она опиралась в основном не на родовитых бояр, а на «служилых людей», дворян, обязанных своим возвышением ей, а потому верных.

Царевна выслушивала доклады думных людей о государственных делах, и ее имя стояло во всех указах рядом с именами царей.

Во многом она продолжила начинания Федора: вместе с Голицыным, который стал главой Посольского приказа, «одевала в камень» Москву. Князь Ф. А. Куракин, краевед и историк XIX века, писал: «В деревянной Москве, считавшей в себе тогда до полумиллиона жителей, в министерство Голицына построено было более трех тысяч каменных домов... Он окружил себя сотрудниками, вполне ему преданными, все незнатными, но дельными, с которыми и достиг правительственных успехов».

Далее она преобразовала славяно-греческую школу в Славяно-греко-российскую академию. Поэт Сильвестр Медведев приветствовал это начинание, в своих стихах он воздает хвалу царевне за то, что та «благоволи нам свет наук явити». А побывавшие в Москве иезуиты дивились тому, что царевна нисколько не чуждается латинского Запада. Одновременно с этим Софья, разумеется, оказывала всемерную поддержку официальной православной церкви и жестоко преследовала раскольников, которые, под предводительством некоего Никиты Пустосвята, добивались восстановления «старого благочестия».

Никита был священником в Суздале, позже отрешен за ложный донос на своего архиепископа. В июле 1682 года раскольники-старообрядцы по предводительством Никиты собрались в Москве и проповедовали в стрелецких полках, а также предлагали провести открытый теологический диспут на Красной площади. Несмотря на поддержку Хованского, открытую дискуссию старообрядцам провести не удалось, но 5 июля 1682 года в Грановитой палате Московского Кремля состоялся «спор о вере», проходивший в присутствии царевны Софьи Алексеевны и патриарха Иоакима. То что произошло дальше, описано в «Истории России» Сергея Соловьева:

«С шумом вошли раскольники в Грановитую и расставили свои налои и свечи, как на площади; они пришли утверждать старую веру, уничтожать все новшества, а не замечали, какое небывалое новшество встретило их в Грановитой палате: на царском месте одни женщины! Царевны-девицы открыто пред всем народом, и одна царевна заправляет всем! Они не видели в этом явлении знамения времени. На царских тронах сидели две царевны – Софья и тетка ее Татьяна Михайловна, пониже в креслах царица Наталья Кирилловна, царевна Марья Алексеевна и патриарх, направо архиереи, налево светские сановники, царедворцы и выборные стрельцы.

Патриарх обратился к отцам с вопросом: „Зачем пришли в царские палаты и чего требуете от нас?“. Отвечал Никита: „Мы пришли к царям-государям побить челом о исправлении православной веры, чтоб дали нам свое праведное рассмотрение с вами, новыми законодателями, и чтоб церкви божии были в мире и соединении“. Патриарх сказал на это то же, что говорил прежде раскольникам у себя: „Не вам подобает исправлять церковные дела, вы должны повиноваться матери святой церкви и всем архиереям, пекущимся о вашем спасении; книги исправлены с греческих и наших харатейных книг по грамматике, а вы грамматического разума не коснулись и не знаете, какую содержит в себе силу“. – „Мы пришли не о грамматике с тобою говорить, а о церковных догматах!“ – закричал Никита и сейчас же показал, что он понимает под догматами, обратившись к патриарху с вопросом: зачем архиереи при осенении берут крест в левую руку, а свечу в правую? За патриарха стал отвечать холмогорский епископ Афанасий. Никита бросился на него с поднятою рукою: „Что ты, нога, выше головы ставишься? Я не с тобою говорю, а с патриархом!“ Стрелецкие выборные поспешили оттащить Никиту от епископа. Тут Софья не выдержала, вскочила с места и начала говорить: „Видите ли, что Никита делает? В наших глазах архиерея бьет, а без нас и подавно бы убил“. Между раскольниками послышались голоса: „Нет, государыня, он не бил, только рукою отвел“. Но Софья продолжала: „Тебе ли, Никита, с патриархом говорить? Не довелось тебе у нас и на глазах быть; помнишь ли, как ты отцу нашему и патриарху и всему собору принес повинную, клялся великою клятвою вперед о вере не бить челом, а теперь опять за то же принялся?“ – „Не запираюсь, – отвечал Никита, – поднес я повинную за мечом да за срубом, а на челобитную мою, которую я подал на соборе, никто мне ответа не дал из архиереев; сложил на меня Семен Полоцкий книгу: Жезл, но в ней и пятой части против моего челобитья нет; изволишь, я и теперь готов против Жезла отвечать, и если буду виноват, то делайте со мной что хотите“. – „Не стать тебе с нами говорить и на глазах наших быть“, – сказала ему Софья и велела читать челобитную. Когда дочли до того места, где говорилось, что чернец Арсений-еретик с Никоном поколебали душою царя Алексея, Софья опять не вытерпела: слезы выступили у нее на глазах, она вскочила со своего места и начала говорить: „Если Арсений и Никон патриарх еретики, то и отец наш и брат такие же еретики стали; выходит, что и нынешние цари не цари, патриархи не патриархи, архиереи не архиереи; мы такой хулы не хотим слышать, что отец наш и брат еретики: мы пойдем все из царства вон“. С этими словами царевна отошла от своего места и стала поодаль. Хованский, бояре все и выборные расплакались: „Зачем царям-государям из царства вон идти, мы рады за них головы свои положить“. Раздались и другие речи между стрельцами: „Пора, государыня, давно вам в монастырь, полно царством-то мутить, нам бы здоровы были цари-государи, а без вас пусто не будет“.

Но эти выходки не могли ослабить впечатления, произведенного на выборных словами Софьи. „Все это оттого, что вас все боятся, – говорила им царевна, – в надежде на вас эти раскольники-мужики так дерзко пришли сюда. Чего вы смотрите: хорошо ли таким мужикам-невеждам к нам бунтом приходить, творить нам всем досады и кричать? Неужели вы, верные слуги нашего деда, отца и брата, в единомыслии с раскольниками? Вы и нашими верными слугами зоветесь: зачем же таким невеждам попускаете? Если мы должны быть в таком порабощении, то царям и нам здесь больше жить нельзя:

пойдем в другие города и возвестим всему народу о таком непослушании и разорении“.

Ничем нельзя было так напугать стрельцов, как угрозой, что цари оставят Москву. В них было живо сознание, что поведение их с 15 мая возбудило сильное неудовольствие в могущественных классах, что бояре их ненавидят, как бунтовщиков и убийц, что многочисленное дворянское войско, и прежде их не любившее, теперь не даст им пощады по первому мановению правительства, что они целы до сих пор и наводят страх на мирное народонаселение Москвы только потому, что правительство их прикрывает; но если правительство отречется от них, оставит Москву? Выборные отвечали: „Мы великим государям и вам, государыням, верно служить рады, за православную веру, за церковь и за ваше царское величество готовы головы свои положить и по указу вашему все делать. Но сами вы, государыня, видите, что народ возмущенный и у палат ваших стоит множество людей: только бы как-нибудь тот день проводить, чтоб нам от них не пострадать, а что великим государям и вам, государыням, идти из царствующего града – сохрани Боже! Зачем это?“

Софья возвратилась на свое место. Продолжали читать челобитную. Софья не могла удержаться, чтоб не поспорить еще с раскольниковыми монахами о разных вещах. Когда челобитная была прочтена, патриарх взял в одну руку Евангелие, писанное митрополитом Алексием, в другую – Соборное деяние патриарха Иеремии с Символом веры, как он читается в новоисправленных книгах. „Вот старые книги, – сказал Иоаким, – и мы им вполне последуем“. Но самое сильное впечатление произвел один священник, который выступил вперед с книгой, напечатанной при патриархе Филарете. „Вот ваши любимые книги филаретовские, – сказал священник, – смотрите, что в них напечатано: разрешается на мясо в Великий четверток и субботу!“ Никита, молчавший до сих пор после окрика Софьи, не вытерпел, но мог только выбраться с досады. „Таки же плуты печатали, как и вы“, – сказал он священнику».

В. Перов. «Никита Пустосвят. Спор о вере». 1880–1881 гг.

Каждая сторона считала, что победа осталась за ней. Но стрельцы услышали угрозу Софьи покинуть Москву вместе с братьями и хором заявили, что им «до старой веры дела нет». Софья, услышав то, что ей было нужно, принялась награждать выборных «депутатов» от стрельцов, пришедших в Грановитую палату. Заручившись их поддержкой, царевна на следующее утро приказала схватить староверов. Никиту казнили на Лобном месте, а его соратников отправили по монастырям, откуда некоторым удалось бежать и продолжать распространение раскола.

Вслед за раскольниками были усмирены стрельцы. Начальник Стрелецкого приказа, князь Хованский, приобретший большую популярность среди стрельцов и обнаруживавший на каждом шагу свое высокомерие не только по отношению к боярам, но и к Софье, был схвачен и казнен. Стрельцы смирились. Начальником Стрелецкого приказа назначили думного дьяка Федора Шакловитого. Осенью 1682 года стрельцы превращаются в надворную пехоту, они больше не ходят в военные походы, отныне их функция – охранять дворец.

Укрепляя свои позиции внутри страны, царевна не забывала и о международных отношениях.

Возглавляемый Голицыным Посольский приказ заключил выгодные договоры с Данией и Швецией, укрепил связи России с Францией, Англией, Голландией, Испанией, Священной Римской империей германской нации, папским престолом, мелкими государствами Германии и Италии. С Китаем заключили Нерчинский договор, по которому оба берега Амура, завоеванные и занятые казаками, возвратили Китаю.

Также в 1686 году заключен вечный мир с Польшей. По договору Россия получила навсегда Киев, уступленный раньше по Андрусовскому миру (1667 г.) только на два года, и Смоленск. Польша окончательно отказалась от левобережной Малороссии.

А еще для того, чтобы «создать себе репутацию» и утвердить свою власть, Софье нужны были военные победы. Случай вскоре подвернулся: Россия обязалась помочь Польше в войне с Турцией. И вот русское войско отбывает в поход на Крым и на Азов.

Голицын возглавил войска, а Софья писала своему любимцу трогательные письма: «Свет мой братец Васенка, здравствуй батюшка мой на многие лета и паки здравствуй, Божиею и Пресветыя Богородицы и твоим разумом и счастьем победив агаряны, подай тебе Господи и впредь враги побеждать, а мне, свет мой, веры не имеется што ты к нам возвратитца, тогда веры пойму, как увижу во объятиях своих тебя, света моего. А что, свет мой, пишешь, чтобы я помолилась, будто я верна грешная перед Богом и недостойна, однако же дерзаю, надеясь на его благоутробие, аще и грешная. Ей всегда того прошу, чтобы света моего в радости видеть. Посем здравствуй, свет мой, о Христе на веки неизчетные. Аминь».

«Батюшка мой платить за такие твои труды неисчетные радость моя, свет очей моих, мне веры не иметца, сердце мое, что тебя, свет мой, видеть. Велик бы мне день той был, когда ты, душа моя, ко мне будешь; если бы мне возможно было, я бы единым днем тебя поставила перед собою. Письма твои, врученны Богу, к нам все дошли в целости из под Перекопу... Я брела пеша из Воздвиженскова, толко подхожу к монастырю Сергия Чудотворца, к самым святым воротам, а от вас отписки о боях: я не помню, как взошла, чла идучи, не ведаю, чем его света благодарить за такую милость его и мать его, Пресвятую Богородицу, и преподобного Сергия, чудотворца милостиваго...».

Первый поход оказался неудачным, войскам пришлось вернуться с полдороги. Во второй раз они перешли «дикую степь» и дошли до Перекопа. Голицын заключил с ханом мир и вернулся в Москву, где его встретили как победителя. Историки спорят о значении этих походов. Они считают, что торжественная встреча, устроенная царевной, не могла скрыть откровенного провала Голицына (эту точку зрения, кстати, первым высказал Петр), другие же полагают, что Софья и в мыслях не держала захватить Крым, понимая, что в данных условиях он будет скорее обузой, чем приобретением, что ее целью с самого начала было припугнуть хана и заставить его подписать договор о мире.

А еще Софья официально приняла титул самодержицы. Она одна давала аудиенции послам; она, подобно царям, допускала митрополитов к руке; она отмечала торжественными богослужениями 17 сентября, день своего тезоименитства; она совершала торжественный выход в храм и занимала там особое место, она повелела чеканить свое лицо на монетах и медалях и воздвигла себе новый каменный дворец, в котором на нижнем этаже была устроена особая палата, «где сидеть с бояры, слушать всяких дел». Так постепенно, исподволь, она пытается приучить своих подданных к мысли, что она не просто регентша, а царица.

Последний гамбит царевны

Наталья Кирилловна, понимая, как выгодна стала бы сторонникам Софьи смерть малолетних соправителей, берегла их пуще собственного глаза. Неслучайно ее политические противники прозвали царицу «медведицей», а Петра «медвежонком».

Царица увозит сына в загородные резиденции в селах Семеновское и Измайлово. Там Петр играет «в войну» со своими «потешными ребятками», строит с ними на Плещеевом озере «потешную флотилию», а Наталья Кирилловна ждет. Она знает, что время работает на нее и против Софьи.

Меж тем Иоанну пришла пора жениться. Для него находят невесту – первую красавицу двора Прасковью Федоровну Салтыкову. Однако у царя Ивана и Прасковьи рождались только девочки.

Наталья Кирилловна спешно ищет невесту и для Петра. Ею стала Евдокия Федоровна Лопухина. Свадьбу сыграли в феврале 1689 года. Вскоре молодая царица забеременела.

Теперь, когда оба царя женаты, у Софьи формально нет причин оставаться их опекуницей. Шакловитый от ее имени пытается уговорить стрельцов просить Софью на царство, но те не поддерживают эту затею.

Позже Петр будет утверждать, что Софья и Шакловитый сговаривались, чтобы убить его. Но даже если такие разговоры и велись, то никаких практических действий не предпринималось.

Ясно одно, что царевна и новый глава Стрелецкого приказа теперь очень близки. Позже князь Борис Иванович Куракин, крестник царя Федора Алексеевича, будет утверждать, что они стали любовниками. В своей «Гиштории о царе Петре Алексеевиче» он пишет: «Надо ж и о том упомянуть, что в отбытие князя Василия Голицына с полками на Крым, Федор Шакловитый весьма в амуре при царевне Софье профитовал, и уже в тех плезирах ночных был в большой конфиденции при ней, нежели князь Голицын, хотя и не так явно. И предусматривали все, что ежели бы правление царевны Софьи еще продолжалось, конечно же, князю Голицыну было бы от нее падение, или б содержан был для фигуры за первого правителя, но в самой силе и делах был бы помянутый Шакловитый». Но Куракин – верный сподвижник Петра, и можно ли верить ему?

А Петр больше не хочет ждать, он готов действовать.

Прежде царь Петр появлялся на торжественных царских выходах лишь изредка и лишь в самых торжественных случаях. Теперь же, 8 июля 1689 года, на Крестном ходе из Кремля в Казанский собор в память освобождения Москвы от поляков и в честь торжественного возвращения из второго крымского похода князя Голицына, царь Петр решил дать сестре бой. В Успенском соборе цари и царевна приложились к иконам и святым мощам при пении многолетия, после чего должно было идти за иконами и крестами в церковь к Казанской.

Тут Петр прилюдно заявил сестре, что она не должна принимать участия в процессии, когда же Софья не пожелала его слушать, разгневанный Петр уехал в Коломенское. А царевна с братом Иваном торжественно вышла с крестами из собора.

Подобный «демарш» Петра оскорбил и напугал Софью, она снова обратилась к стрельцам, но те выказали мало воодушевления. В их глазах Петр уже совершеннолетний полноправный царь, а кроме того, они не простили Софье понижения их статуса до «надворной пехоты».

Царевна продолжала свои выходы. Она отпраздновала встречу Голицына и его войска так, как это подобало одному царю, после молебна угощала воевод «фряжскими винами», а «ратных людей» – водкой.

Меж тем Петр переезжает из Коломенского в Преображенское и празднует там именины жены, лишний раз подчеркивая свой статус мужа и отца. В полночь 8 августа он неожиданно

срывается с места и скачет в Троице-Сергиев монастырь, бросив жену, надеясь, что Софья не станет ее губить. До него дошли известия, что в ночь Софья собрала в Кремле под ружьем до 700 стрельцов. Теперь она просит у них защиты не от Петра, а от его ближайших друзей: Бориса Голицына (кравчего у Петра) и Льва Нарышкина. Они-де спаивают Петра и настраивают его против сестры и брата и к тому же злоумышляют против Василия Голицына. В то же время по московскому дворцу расходятся слухи, что в эту ночь придут из Преображенского потешные конюхи и побьют царя Ивана и всех его сестер. Царевна молится у гробов своих родителей, желая напомнить своим сторонникам о том, что она принадлежит к старшей ветви царской семьи. 11 августа вечером она торжественно, в сопровождении боярства и дворянства, проводит из дворца в Донской монастырь чудотворную икону Донской Богоматери, которая сопровождала полкам в крымском походе, слушает там всенощную, а на следующий день снова идет туда к ранней обедне. Такое количество визитов в храмы и молебнов может поразить современного читателя. Создается впечатление, что брат и сестра соревновались в том, «кто кого перемолит». Но в ту эпоху, когда церковь была главным орудием легитимизации власти, участие в «статусных» церковных службах было важно, особенно для царевны, чья легитимность таяла на глазах. Такая «позиционная война» продолжалась до конца августа.

В монастыре меж тем уже собрано тайное ополчение, к которому присоединились солдаты и некоторые стрельцы.

29 августа царевна решила отправиться в Троицкий монастырь к разгневанному брату Петру. Она снова обходит кремлевские церкви, молится в Чудове монастыре, на Троицком подворье и в приходской церкви Вознесения на Никитской, откуда берет чудотворный образ Казанской Богородицы. Ее сопровождают бояре, окольные, думные дворяне, стольники и стряпчие. Но послы Петра встретили ее и потребовали, чтобы она повернула обратно, угрожая, в противном случае, вернуть ее силой. Дорога от Воздвиженского, где остановилась Софья, до Троицы находилась под огнем монастырских пушек; царевне оставалось только подчиниться.

Меж тем Петр пишет своему брату Иоанну: «...Сестра наша царевна Софья Алексеевна государством нашим начала владеть своею волею, и в том владении, что явилось особам нашим противное и народу тягость и наше терпение, о том тебе, государь, известно. А ныне злодеи наши Федька Шакловитый с товарищи... умышляли о убийстве над нашим и матери нашей здоровьем... А теперь, государь братец, настает время нашим обоим особам Богом врученное нам царствие править самим, понеже пришли есми в меру возраста своего, а третьему зазорному лицу, сестре нашей, с нашими двумя мужескими особами в титулах и в расправе дел быти не изволяем; на тоб и твояб, государя, моего брата, воля склонилася, потому что учала она в дела вступать и в титулах писаться собою без нашего изволения: к тому же еще и царским венцом, для конечной нашей обиды, хотела венчаться. Срамно, государь, при нашем совершенном возрасте, тому зазорному лицу государством владеть мимо нас!». Иоанн переходит на его сторону.

Теперь власть царевны лишилась своей главной опоры.

Сторонники Петра смело явились в Москву, требуя, чтобы им выдали приближенных Софьи. Особенную их ненависть вызывал Федор Шакловитый. Того же требовали у царевны и пока еще верные ей стрельцы, говоря о том, что пора прекратить смуту. Царевна отказалась выдать верного своего слугу и одного из лучших друзей, убеждая их, что злые люди хотят рассорить ее с братом и обвиняют Шакловитого из зависти к его безупречной службе. Она напомнила им, что управляла государством семь лет, приняв правление в смутное время, восстановила мир, поддерживала христианскую веру, защищала и укрепляла границы. Она поила их вином и водкой и умоляла остаться верными ей. Но стрельцы стали грозить ей мятежом. Обливаясь слезами, царевна поспешила приготовить Шакловитого к смерти; его причастили, и Софья своими руками отдала его стрельцам. Его отвезли к Петру, допрашивали, пытали, а позже отрубили голову.

Эта жертва ничем не помогла Софье, 7 сентября 1689 года издан указ об исключении имени царевны Софии из титула. Молодые цари заточили бывшую регентшу в Новодевичий монастырь, казнив ее приближенных, Голицына отправили в ссылку, где он и умер.

Кровавый эндшпиль

Поначалу Софья не была пострижена в монахини, а жила в монастыре мирянкой. Ее посещали сестры, она вела с ними беседы. Но вот политические события в стране снова выдвинули ее на сцену.

Придя к власти, Петр начал активно продвигать свои новые идеи, во многом порожденные политикой отца, старшего брата и сестры, но идущие гораздо дальше.

В 1697 году он отправился в Великое посольство – заграничную поездку с дипломатическим корпусом. Путь посольства проходил через Австрию, Саксонию, Бранденбург, Голландию, Англию, Венецию и Рим, где намечалась аудиенция у папы Римского.

Пока Петр изучал кораблестроение в Саардаме и любовался садами Версаля, по Москве пошли слухи, что царевна говорила, будто Петр I не является ее братом, что в Европе его подменили. Выведенные из терпения действительно тяжелыми условиями службы, четыре стрелецких полка на пути из Азова к западной границе возмутились, подстрекаемые сподвижниками Софьи.

Услышав об этом бунте Петр бросил все и примчался на родину.

Мятежников разгромили под Воскресенским монастырем. Царь прибыл в столицу 25 августа и начал допросы. Они происходили в Преображенском под руководством князя Федора Юрьевича Ромодановского, заведовавшего Преображенским приказом. Под пытками стрельцы сознались, что у них было намерение поручить правление царевне Софье и истребить немцев, но никто из них не показывал, что инициатор – сама царевна. Тогда Петр велел ужесточить пытки, и стрельцы сознались, что видели привезенное из Москвы письмо от имени Софьи с красной царской печатью, получивши его через какую-то нищую, и его потом читали стрелецким на Двине. Однако никакой «грамоты с красной печатью» найдено не было ни тогда, ни сейчас.

Петр сам допрашивал сестру, и та наотрез отказалась от всякого участия в мятеже. Легенда гласит, что, выходя из кельи Софьи, царь произнес с сожалением: «Умна, зла, могла бы быть правой рукой». Но даже если эта легенда правдива, то, несмотря на невольное уважение, оказанное сестре, Петр все равно повесил 195 человек под окнами Новодевичьего монастыря и не позволял снимать трупы на протяжении пяти месяцев.

И. Репин. «Царевна Софья Алексеевна через год после заключения ее в Новодевичьем монастыре во время казни стрельцов и пытки всей ее прислуги в 1698 г.». 1879 г.

С 11 до 21 октября в Москве ежедневно проводились казни; четверым на Красной площади сломали руки и ноги колесами, другим рубили головы; большинство вешали, так погибло 772 человека.

В. И. Суриков. «Утро стрелецкой казни». 1881 г.

Царь приказал постричь в монахини Софью, а также двух ее сестер – Марфу и Феодосию, которые чаще всего посещали ее в монастыре, и с которыми она была больше всего дружна. Однако и после этого опасения Петра не проходили, в монастыре постоянно находился отряд, который стерег «инокиню Сусанну», так теперь звали Софью. Князю Ромодановскому, которому вверили надзор за узницей, дали следующие указания: «Сестрам, кроме Светлой Недели и праздника Богородицына, который в июле живет (18 июля – Смоленской Богоматери), не ездить в монастырь в иные дни, кроме болезни. Со здоровьем посылать Степана Нарбекова, или сына его, или Матюшкиных; а иных, и баб, и девок не посылать; а о приезде брать письмо у князя Федора Юрьевича. А в праздники быв не оставаться; а если останется – до другого праздника не выезжать и не пускать. А певчих в монастырь не пускать; поют и старицы хорошо, лишь бы вера была, а не так, что в церкви поют „спаси от бед“, а в паперти деньги на убийство дают».

Софья скончалась 3(14) июля 1704 года и похоронена там, где провела остаток своих дней, – в Новодевичьем монастыре, а не в Воскресенском монастыре в Кремле, где лежали остальные московские царицы и царевны. Спустя почти 100 лет другая царица – Екатерина II – скажет о ней такие слова: «Когда согласишься на дела, прошедшие через ее руки, то нельзя не признать, что она весьма способна была царствовать».

* * *

Русским историкам времен Империи трудно положительно оценивать Софью, Петр I – общепризнанный кумир, и Софья, как его противница, не могла рассчитывать на их симпатию. К примеру, С. М. Соловьев писал о царевне Софье: «Терем не воспитал русской женщины для ее нового положения, не укрепил ее нравственных сил, а, с другой стороны, общество не приготовилось еще к ее принятию, не могло предоставить ей чисто нравственных сдержек, как не представляло их и для мужчины. Пример исторической женщины, освободившейся из терема, но не вынесшей из него нравственных сдержек и не нашедшей их в обществе, представляет богатырь-царевна Софья Алексеевна».

Современные историки начинают пересматривать эти взгляды. К сожалению, у нас очень мало документов, написанных Софьей собственноручно. Так что судим мы ее в основном с

чужих слов. Ясно одно: она пыталась, может быть, даже сама не осознавая того, победить свою судьбу, победить традиции, которые заставляли ее принять эту судьбу, победить то общество, которое придумало эти традиции. И проиграла.

Глава 2

Женщины вокруг Петра I

Петр в полной мере сын своего времени, он не стеснялся грубых шуток, довольно цинично относился к женщинам, особенно если те не принадлежали к разряду «честных» – боярских жен, дочерей и вдов. При этом он, опять же в духе своего времени, заботливый глава семьи, присматривавшим за сестрой Натальей, за золовкой – вдовой умершего в 1696 году брата Иоанна Прасковьей Федоровной и ее дочерьми. И все же почти всех женщин, находившихся рядом с ним, ждала несчастливая судьба. Виноват ли в этом Петр? Или виновато само время? Давайте разбираться.

Московская царица – Евдокия Лопухина

«Род же их, Лопухиных, был из шляхетства среднего, токмо на площади знатного, для того, что в делах непрестанно обращались по своей квалиты знатных, а особливо по старому обыкновению были причтены за умных людей их роду, понеже были знающие в приказных делах, или, просто назвать, ябедники, – пишет князь Борис Куракин, в своем сочинении „Гистория о царе Петре Алексеевиче“. – Род же их был весьма людный, так что чрез ту притчину супружества, ко двору царского величества было введено мужеского полу и женского более тридцати персон. И так оный род с начала самого своего времени так несчастлив, что того ж часу все возненавидели и почали рассуждать, что ежели придут в милость, то всех погубят и всем государством завладеют. И, коротко сказать, от всех были возненавидимы, и все им зла искали или опасность от них имели.

О характере принципиальных их персон описать, что были люди злые, скупые, ябедники, умом самых низких и не знающие нимало во обхождении дворовом, ниже политики б оный знали».

Он рассказывает, что сначала в невесты Петру прочили княжну Трубецкую, находившуюся в родстве с Борисом Алексеевичем Голицыным, но Нарышкины выступали против такого родства. Тогда Тихон Стрешнев, боярин, «дядька» Петра, нашел Прасковью, дочь Иллариона Авраамовича Лопухина.

Илларион Лопухин был полковником и стрелецким головой, при царе Федоре Алексеевиче – государев стольник и окольничий и лишь перед свадьбой дочери возведен в бояре, а его дочери присвоили более звучное и благородное имя «Евдокия». Не избежал «переименования» и ее отец, отныне он звался Федором Лопухиным.

Г. Петер. Борис Иванович Куракин

«А именовалась царица Евдокия Федоровна и принцесса лицом изрядная, токмо умом посредственная, и нравом несходная со своим супругом, отчего все свое счастье потеряла, и весь свой род сгубила, – рассказывает князь Куракин. – Правда, сначала любовь между ими, царем Петром и супругою его, была изрядная, но продолжилась токмо разве год. Но потом преклась, к тому ж царица Наталья Кирилловна невестку свою возненавидела и желала больше видеть с мужем ее в несогласии, нежели в любви. И так дошло до конца такого, что от сего супружества последовали в государстве Российском великие дела, которые были уже явны на весь свет, как впредь в гистории увидишь».

Вероятно, Евдокию радовало замужество, даже если она и не испытывала никаких теплых чувств к своему супругу. Она предвкушала жизнь в почете и в достатке, всеобщее уважение. Она подарила Петру то, что ему было сейчас нужнее всего в политической игре, – ребенка мужского пола, а с ним статус мужа и отца, то есть полноправного правителя. И ожидала, что ей воздастся за труды.

Евдокия Федоровна Лопухина

Царевич Алексей Петрович родился 26 июня (7 июля) 1718 года. Через год родился его брат Александр, а еще через два года – Павел, но оба младших сына умерли во младенчестве.

Однако юный царь быстро охладел к жене и стал поговаривать о разводе, что для Евдокии означало монастырь. Она неожиданно «проявила характер» и наотрез отказала всем «парламентерам», которых Петр посылал к ней.

Наконец в 1698 году нашелся благовидный предлог. Поскольку еще перед отъездом Петра за границу, Лопухиных удалили из Москвы в связи с подозрениями в участии в заговоре А. П. Соковнина, И. Е. Циклера и Ф. М. Пушкина, то теперь Евдокию было очень удобно обвинить, как и Софью, в разжигании Стрелецкого бунта.

Ее отца сослали на воеводство в Тотму, а Евдокию ждал монастырь.

Вернувшийся Петр много часов убеждал ее, надо думать, не одними только ласковыми уговорами, а потом приказал насильно отправить в Суздаль, в Покровский женский монастырь, где ее постригли под именем инокини Елены. Царица носила монашеское платье от силы неделю, а потом появлялась на богослужениях только в мирском и истинно царском облачении. Она писала родным в Москву: «Здесь ведь ничего нет: все гнилое. Хоть я вам и прискушна, да что же делать. Покамест жива, пожалуйста, поите, да кормите, да одевайте, нищую».

Покровский монастырь в Суздале

Вскоре в монастыре появился майор Степан Глебов, знавший Евдокию, с детства, когда она еще была Прасковьей. Глебов приехал в Суздаль для проведения рекрутского набора, но он часто встречается с царицей, а когда приходит ему время уезжать, то царица ему пишет: «Свет мой, батюшка мой, душа моя, радость моя! Знать уж злопроклятый час приходит, что мне с тобою расставаться! Лучше бы мне душа моя с телом разсталась! Ох, свет мой! Как мне на свете быть без тебя, как живой быть? Уже мое проклятое сердце да много слышало нечто тошно, давно мне все плакало. Ах мне с тобою, знать, будет раставаться. Уж мне нет тебя милее, ей-Богу! Ох, любезный друг мой! За что ты мне таков мил? Уже мне ни жизнь моя на свете! За что ты на меня, душа моя, был гневен? Что ты ко мне не писал? Носи, сердце мое, мой перстень, меня любя; а я такой же себе сделала; то-то у тебя я его брала».

* * *

Воспитание маленького царевича Петр поручил своей любимой сестре Наталье и увез всю свою семью в новую столицу – Петербург. Когда царевич вырос, Петр женил его на принцессе Шарлотте Кристине Софии Брауншвейг-Вольфенбюттельской.

Отношения между сыном и отцом не ладятся и вовсе не потому, что царевич был ярым ретроградом. Получив воспитание в Петербурге у царевны Натальи и Меншикова, он вырос вполне европейски образованным. Он изучал геометрию и основы фортификации, говорил по-французски, брал уроки танцев, ездил для завершения образования в Дрезден. Но, вероятно, темперамент Алексея был ближе к меланхолическому, что выводило из себя холерика-Петра. Да и отпрыску Лопухиных он не мог доверять. Тем более, что новая жена, Марта Скавронская, уже родила ему другого сына – маленького Петра, которого родители ласково называли «Шишечкой».

В 1714 году у Шарлотты родилась дочь Наталия, а в 1715 году – сын, будущий российский император Петр II, через несколько дней после рождения которого Шарлотта умерла. В день смерти кронпринцессы Петр, до которого дошли рассказы о пьянстве Алексея и его связи с бывшей крепостной Евфросиньей, письменно потребовал от царевича, чтобы он или исправился, или ушел в монахи.

Алексей, опасаясь гнева царя, бежал за границу. Этот поступок еще сильнее убедил Петра, что сын замышляет недоброе. Алексея хитростью заставили вернуться в Россию и отдали под суд. Одновременно начался так называемый «Суздальский розыск» об участии Евдокии в «заговоре» сына.

В Петропавловскую крепость попала даже Мария Алексеевна Романова, единокровная сестра Петра, которая еще в Москве сдружилась с Евдокией и не скрывала симпатии к ней и после опалы царицы. Стало известно, что еще во время бегства царевича за границу, по пути из Риги в Либаву, Алексей встретил Марию, возвращавшуюся из Карлсбада после лечения. Мария просила его написать письмо матери и, видя колебания царевича, сказала: «Хоть бы тебе и пострадать, ведь за мать, никого иного». Впрочем, следствие по ее делу было коротким. Скоро ей вынесли приговор – царевну посадили в Шлиссельбургскую крепость.

Шлиссельбургская крепость. Современное фото

Тогда же вскрылась связь Евдокии с Глебовым. Интересно, что в материалах «Суздальского розыска» царевич даже не упомянут. Об этом писал еще в середине XIX в. русский историк М. П. Погодин: «Между тем во всем этом деле, заметим мимоходом, во всем розыске, нет ни слова о царевиче Алексее Петровиче и об отношениях к нему казненных преступников. Выбраны для осуждения их совсем другие вины – оставление монашеского платья, поминание на ектениях, связь с Глебовым. Все эти вины такого рода, что не могли влечь за собою подобного уголовного наказания. Все эти вины, вероятно, известны были прежде и оставлялись без внимания, тем более что противная сторона не отличалась же слишком строгою непорочностью. Предать их теперь суду, счесть их достойными такого страшного наказания было действием другого расчета и вместе совершенного произвола, новое разительное доказательство искусственности, недобросовестности процесса».

Глебова пытали кнутом, раскаленным железом, горящими углями, на трое суток привязали к столбу на доске с деревянными гвоздями, и он сознался, что «сошелся я с нею в любовь через старицу Каптелину и жил с нею блудно». Старицы Мартемьяна и Каптелина показали, что своего любовника «инокия Елена пускала к себе днем и ночью, и Степан Глебов с нею обнимался и целовался, а нас или отсылали телогреи кроить к себе в кельи, или выхаживали вон». У Глебова также были найдены 9 писем к нему царицы.

15-17 марта 1718 года в Москве прошли публичные казни приговоренных по «Суздальскому» делу, в том числе и Глебова, которого посадили на кол. Легенда гласит, что царицу привезли из Суздаля, чтобы она увидела казнь любовника, и Петр приказал двум солдатам держать Евдокию голову и не давать ей закрывать глаза. Глебов мучился 14 часов.

Царевич умер от пыток в Петропавловской крепости.

* * *

Евдокию отправили из Суздаля сначала в Александровский Успенский монастырь, а затем в Ладожский Успенский монастырь, а после смерти Петра – в Шлиссельбург, где Екатерина I держала ее в строго секретном заключении как государственную преступницу под именем «известной особы». Свободу ей даровали, только когда на престол взошел сын Алексея, Петр II. Она жила в Москве и пользовалась всеобщим уважением. После ранней смерти Петра некоторые из дворян даже планировали посадить ее на трон, но она сама отказалась в пользу Анны Иоанновны, дочери царя Иоанна.

Умерла Евдокия в 1731 году. Легенда гласит, что ее последними словами были: «Бог дал мне познать истинную цену величия и счастья земного».

«Твоя портомоя» – Марта Скавронская

В 1705 году женщин, находившихся под попечением Петра – вдовую царицу Прасковью Федоровну, ее дочерей и сестру царя Наталью Алексеевну, ждал большой сюрприз. Датский посланник Юст Юль, путешествовавший в это время со Двором Петра, так описывает случившееся: «Я ездил в Измайлово – двор в 3-х верстах от Москвы, где живет царица, вдова царя Ивана Алексеевича, со своими тремя дочерьми-царевнами. Поехал я к ним на поклон. При этом случае царевны рассказали мне следующее. Вечером, незадолго перед своим отъездом, царь позвал их, царицу и сестру свою Наталью Алексеевну в один дом в Преображенскую слободу. Там он взял за руку и поставил перед ними свою любовницу Екатерину Алексеевну. На будущее время, сказал царь, они должны считать ее законной его женой и русской царицей. Так как сейчас, ввиду безотлагательной необходимости ехать в армию, он обвенчаться с ней не может, то увозит ее с собой, чтобы совершить это при случае, в более свободное время. При этом царь дал понять, что если он умрет прежде, чем успеет на ней жениться, то все же после смерти они должны будут смотреть на нее, как на законную его супругу».

Прасковья Федоровна Романова

Наталья Алексеевна Романова

Эта женщина появляется в русской истории как бы ниоткуда, ее прошлое темно и по большей части состоит из легенд. Одну из них, пожалуй, наиболее распространенную, приводит Юст Юль в своих записках: «Упомянув о царской любовнице Екатерине Алексеевне, я не могу пройти молчанием историю ее удивительного возвеличения, тем более что впоследствии она стала законною супругой царя и царицею.

Родилась она от родителей весьма низкого состояния, в Лифляндии, в маленьком городке Мариенбурге, милях в шести от Пскова, служила в Дерпте горничною у местного суперинтенданта Глюка и во время своего нахождения у него помолвилась со шведским капралом Мейером. Свадьба их совершилась 14-го июля 1704 года, как раз в тот день, как Дерпт достался в руки царю. Когда русские вступали в город и несчастные жители бежали от них в страхе и ужасе, Екатерина в полном подвенечном уборе попала на глаза одному русскому солдату. Увидав, что она хороша, и сообразив, что он может ее продать (ибо в России продавать людей – вещь обыкновенная), солдат силою увел ее с собою в лагерь, однако, продержав ее там несколько часов, он стал бояться, как бы не попасть в ответ, ибо, хотя в армии увод силою жителей дело обычное, тем не менее он воспрещается под страхом смертной казни. Поэтому, чтоб избежать зависти, а также угодить своему капитану и со временем быть произведенным в унтер-офицеры, солдат подарил ему девушку. Капитан принял ее с большою благодарностью, но, в свою очередь, захотел воспользоваться ее красотой, чтобы попасть в милость и стать угодным при дворе, и привел ее к царю как к любителю женщин в надежде стяжать этим подарком его милость и быть произведенным в высший чин. Царю девушка понравилась с первого взгляда и через несколько дней стало известно, что она сделалась его любовницей. Впрочем, сначала она была у него в пренебрежении и лишь потом, когда родила ему сына, царь стал все более к ней привязываться. Хотя младенец и умер, тем не менее Екатерина продолжала пользоваться большим уважением и быть в чести у царя. Позднее ее перекрестили, и она приняла русскую веру. Первоначально она принадлежала к лютеранскому исповеданию, но, будучи почти ребенком и потому мало знакомая с христианской верою и со своим исповеданием, она переменила веру без особых колебаний. Впоследствии у нее родились от царя две дочери, обе они и теперь живы... Настоящего ее мужа, с которым она была обвенчана, звали, как сказано, Мейером. С тех пор, продолжая состоять на шведской службе, он был произведен в поручики, а потом его, вероятно, подвинули еще выше, так как он все время находился при шведских войсках в Финляндии.

Этот рассказ о Екатерине передавали мне в Нарве тамошние жители, хорошо ее знавшие и знакомые со всеми подробностями ее истории».

Екатерина I

Другие рассказчики отрицают, что Екатерина была обвенчана, или называют в качестве ее мужа других людей, говорят, что ее захватили при штурме Мариенбурга, а не Дерпта, спорят, была ли она по национальности шведкой, литовкой или белоруской. Но бесспорно одно: это история Золушки, поднявшейся из служанок и «портомой» (прачек) на трон. И, вероятно, эта Золушка любила своего принца, несмотря на его грубость, безудержную гневливость, истерические приступы и неспособность (а скорее нежелание) хранить верность. «Только такая круглая сирота-иноземка, как Екатерина, бывшая служанка, потом жалкая пленница, обязанная по своему званию безропотно повиноваться всякому господину имевшему право, как вещь, передать ее другому, – только такая женщина и годилась быть женою человека, который, не обращая ни на кого внимания, считал себе дозволенным делать все, что ему ни придет в голову, и развлекаться всем, к чему ни повлекла бы его необузданная чувственность», – пишет Н. И. Костомаров.

Решив превратить свою Катеринушку («Катеринушка, друг мой сердешинькой!» – так он обращался к ней в письмах) из «метрессы» (фаворитки) в законную супругу, Петр поручил ее заботам Натальи Алексеевны, чтобы та обучила девушку русскому языку и обычаям страны. В доме Натальи Алексеевны Екатерина приняла православие.

Однако много времени на уроки Петр своей будущей жене не дал. В военных походах и деловых поездках он постоянно скучал по ней и при любом удобном случае требовал ее к себе, предостерегая, однако, от опасностей в пути. В 1712 году он писал: «Я еще отсель (из Грейхвальде) ехать скоро себе к вам не чаю; и ежели лошади твои пришли, то поезжай с теми тремя батальоны, которым велено идти в Анклам, только для Бога бережно поезжай и от батальонов ни на сто сажень не отъезжай, ибо неприятельских судов зело много в Гафе и непрестанно выходят большим числом, а вам тех лесов миновать нельзя». В 1718 году остерегал: «Объявляю тебе, чтоб ты тою дорогою, которою я из Новгорода ехал, отнюдь не ездила, понеже лед худ и мы гораздо с нуждою проехали и одну ночь принуждены ночевать. Для чего я писал, двадцать верст отъехав от Новгорода, к коменданту, чтоб тебе велел подводы ставить старою дорогою». В 1723-м посылал из Петербурга такую весточку: «Без вас очень скучно. Дорога перспективная очень худа, а особливо чрез мосты высокие, которые чрез реки многие не крепки; того ради, лучше чтоб пешком перешла или в одноколке переехала».

И Екатерина отправлялась в путь при любой погоде и по любому бездорожью. К счастью, она обладала отменным здоровьем и, по-видимому, переносила эти путешествия без особых затруднений, жизнь в походных палатках также не представлялась ей чем-то из ряда вон выходящим.

В Прутском походе 1711 года, когда русские войска окружили, она спасла государя и армию, отдав турецкому визирю свои драгоценности и склонив его к подписанию перемирия. В благодарность за это Петр учредил орден Святой Екатерины и наградил им жену в день ее именин. Во время Персидского похода русской армии 1722–1723 годов Екатерина обрила себе голову и носила гренадерскую фуражку. Вместе с государем она делала смотр войскам, проезжала по рядам перед сражением.

Когда Петр окончательно решил перенести столицу в Петербург, Екатерина уже родила царю четырех сыновей и трех дочерей, но выжили только две девочки, Анна и Елизавета. Петр, кажется, особенно любил младшую дочь и называл в честь нее, то свою верховую лошадь, на которой скакал в Полтавском бою, то корабль.

Ему хотелось, чтобы его дочери стали принцессами, которых можно будет выдать замуж за иноземных принцев, как это делалось в Европе. Кроме того, ему хотелось видеть Екатерину рядом не только в постели, но и на троне. И он обвенчался с ней 19 февраля 1712 года в Петербурге, в деревянной церкви Исаакия Далматского, рядом с Адмиралтейской верфью на Адмиралтейском лугу.

Деревянная церковь Исаакия Далматского

В то время в царской семье царили любовь и согласие. Супругам снова приходилось часто разлучаться, но они всегда с нетерпением ждали встречи.

Костомаров в своей статье «Екатерина Алексеевна, первая русская императрица» приводит целый список подарков и шуточных посланий, которыми обменивались царственные супруги.

«Когда государь находился за границею, Екатерина посылала ему пива, свежепросольных огурцов, а он посылал ей венгерского вина, изъявляя желание, чтоб она пила за здоровье, и извещая, что и он с теми, которые тогда находились при нем, будет пить за ее здоровье, а кто не станет пить, на того прикажет наложить штраф. В 1717 году Петр благодарил Екатерину за присланный презент и писал ей: „Так и я посылаю отсель к вам взаимно. Право, на обе стороны достойные презенты: ты прислала мне для вспоможения старости моей, а я посылаю для украшения молодости вашей“. Вероятно, для вспоможения старости Екатерина послала тогда Петру вина, а он ей каких-нибудь нарядов. В следующем затем 1717 году Петр из Брюсселя прислал Екатерине кружева, а Екатерина отдала его вином. Находясь в этом же году на водах в Спа, Петр писал: „Сего момента Любрас привез от вас письмо, в котором взаимно сими днями поздравляете (то была годовщина Полтавской победы) и о том же тужите, что не вместе, так же и презент две бутылки крепыша. А что пишете для того мало послала, что при водах мало пьем, и то правда, всего более пяти в день не пью, а крепыша по одной или по две, только не всегда, иное для того, что сие вино крепко, а иное для того, что его редко“. Сама Екатерина, показывая заботливость о здоровье супруга,

писала ему, что посылает ему „только две бутылки крепыша, а что больше того вина не послала, и то для того, что при употреблении вод, чаю, не возможно вам много кушать“. Супруги посылали друг другу также ягоды и фрукты: Екатерина в июле 1719 года послала Петру, находившемуся тогда в морском походе против шведов, „клубники, померанцев, цитронов“ вместе с бочонком сельдей, а Петр послал ей фруктов из „ревельского огорода“. Как заботливая жена, Екатерина посылала супругу принадлежности одежды и белья. Однажды из-за границы он ей писал, что на устроенной пирушке он был одет в камзол, который она ему перед тем прислала, а другой раз, из Франции, он писал ей о положении присланного ему белья: „У нас хотя есть портоmoi, однакож вы послали рубашки“. В числе презентов, посланных Екатерине, один раз были посланы Петром его остриженные волосы, а в 1719 году он послал ей из Ревеля цветок мяты, которую, бывши прежде с Петром в Ревеле, она сама садила; а Екатерина отвечала ему: „Мне это не дорого, что сама садила; то мне приятно, что из твоих ручек“».

Одно омрачало их барк, рожденные Екатериной младенцы умирали один за другим. Царевны Наталья Петровна и Маргарита Петровна не прожили и года. Затем родился долгожданный сын Петр Петрович. С тех пор Екатерина спешит сообщить своему «старика» (прозвище Петра I) новости о «Шишечке» (прозвище Петра-младшего).

«Доношу, – писала Екатерина в августе 1718 года, – что за помощью Божиею я с дорогою нашею Шишечкою и со всеми в добром здоровье. Оный дорогой наш Шишечка часто своего дрожайшего папа упоминает, и при помощи Божией в свое состояние происходит и непрестанно веселится мунштированием солдат и пушечного стрельбою». А позже намекает: «В другом своем писании изволите поздравлять именинами старика и шишечкиными, и я чаю, что ежели б сей старик был здесь, то б и другая Шишечка на будущий год поспела!».

Но и этот малыш умер четырех лет от роду. В том же году родился последний ребенок Петра – царевна Наталья Петровна, но и она умрет в семилетнем возрасте, почти в то же время, что и ее отец.

15 ноября 1723 года Петр I опубликовал манифест, в котором оповещал всех своих подданных, что «по данному ему от Бога самовластию» намерен увенчать супругу императорской короной, так как она «во всех его трудах помощница была и во многих воинских действиях, отложив женскую немочь, волею с ним присутствовала и елико возможно вспомогала, а наипаче в Прутской кампании с турки, почитай отчаянном времени, как мужески, а не женски поступала, о том ведомо всей армии, а от нее несомненно и всему государству». Церемония состоялась в Успенском соборе в Москве.

Генри Чарльз Брюэр. «Успенский собор в XIX в.»

Петр I человек XVII века, который смотрел сквозь пальцы на мужские измены, никогда не отказывал себе в коротких интрижках на стороне, но приходил в бешенство, если подозревал, что изменяют ему, а в гневе он был страшен.

И вот в 1724 году он заподозрил, что Екатерина тайком сошлась со своим камер-юнкером Виллимом Монсом. Монс управлял вотчинной канцелярией государыни, занимаясь ее перепиской и бухгалтерией, сопровождал Екатерину во всех походах и поездках, включая Европу и Персидский поход. Когда Екатерина стала императрицей, пожаловала его в камергеры.

По преданию, когда Екатерина просила Петра помиловать Монса, тот, мучимый ревностью, разбил вдребезги дорогое зеркало и сказал: «Эта вещь составляла лучшее украшение моего дворца, а я вот захотел и уничтожил ее!». Екатерина отлично поняла намек и возразила: «Разве дворец ваш лучше стал от этого?».

8 ноября 1724 года, то есть спустя полгода после коронации Екатерины, Монса арестовали по обвинению во взяточничестве и других противозаконных действиях. Следствие по делу Монса производил руководитель Тайной канцелярии П. А. Толстой. Следствие было скорым и уже через пять дней Монсу вынесли смертный приговор – казнь через отсечение головы, которая состоялась 16 ноября в Петербурге.

Камер-юнкер Берггольц, сопровождавший в Россию жениха старшей дочери Петра Анны, записал в те дни в своем дневнике: «Объявили с барабанным боем, что на другой день в 10 часов утра, перед домом Сената, над бывшим камергером Монсом, сестрою его Балк, секретарем и камер-лакеем императрицы за их важные вины совершена будет казнь. Известие это на всех нас произвело сильное впечатление: мы никак не воображали, что развязка последует так быстро и будет такого опасного свойства. Молодой Апраксин говорил за верное, что Монсу на следующий день отрубят голову, а госпожу Балк накажут кнутом и сошлют в Сибирь. Говорили, что поутру г-жу Балк вместе с секретарем и камер-лакеем, а после обеда и Монса, перевезли в крепость. К последнему в то же время привозили пастора Нацциуса (здешней немецкой церкви), который должен был приготовить его к смерти.

16-го, в 10 часов утра, объявленные накануне казни совершены были против Сената, на том самом месте, где за несколько лет повесили князя Гагарина. Бывший несчастный камергер Монс по прочтении ему приговора с изложением некоторых пунктов его вины был обезглавлен топором на высоком эшафоте. После того генеральше Балк дано по обнаженной спине 11 ударов кнутом (собственно только 5); затем маленькому секретарю дано кнутом же 15 ударов и объявлена ссылка на 10 лет на галеры для работы при рогервикской гавани, а камер-лакею императрицы, также приговоренному к ссылке в Рогервик, – ударов 60 батогами... Все присутствовавшие при этой казни не могут надивиться твердости, с которою камергер Монс шел на смерть. По прочтении ему приговора он поклоном поблагодарил читавшего, сам разделся и лег на плаху, попросив палача как можно скорей приступить к делу. Перед тем, выходя в крепости из дому, где его содержали, он совершенно спокойно простался со всеми окружающими, причем очень многие, в особенности же близкие знакомые его и слуги, горько плакали, хотя и старались, сколько возможно, удерживаться от слез. Вообще многие лица знатного, среднего и низшего классов сердечно сожалеют о добром Монсе, хоть далеко не все осмеливаются показывать это. Вот уж на ком как нельзя более оправдывается пословица, что кто высоко стоит, тот и ближе к падению! По характеру своему Монс хоть и не был большим человеком, однако ж пользовался немалым почетом и много значил; имел, конечно, подобно другим, и свои недостатки; может быть, уж слишком надеялся на милость, которую ему оказывали; но со всем тем он многим делал добро и уж, наверно, никак не воображал, что покончит так скоро и так плачевно».

Голову казненного выставили публике напоказ на вершине столба. Еще одна легенда гласит, что, когда Петр вместе с Екатериною проехал в коляске мимо этого столба, чтобы посмотреть, какое впечатление это произведет на нее, Екатерина лишь равнодушно уронила: «Как грустно, что у придворных может быть столько испорченности!».

Костомаров сомневается в том, что Екатерина действительно вступила в любовную связь с Монсом. Он пишет: «...Едва ли возможно допустить, чтоб Екатерина своим коротким обращением с Монсом подала повод к такой ревности. Допустим даже, что Екатерина не питала к мужу столько любви, чтоб такая любовь могла удерживать в ней верность к супругу; но то несомненно, что Екатерина была очень благоразумна и должна была понимать, что от такого человека, каков был Петр, невозможно, как говорится, утаить шила в мешке и провести его так, чтоб он спокойно верил в любовь женщины, которая будет его обманывать. Наконец, и собственная безопасность должна была руководить поведением Екатерины: если б жена Петра позволила себе преступные шалости, то ей пришлось бы очень нездорово, когда бы такой супруг узнал об этом».

* * *

Но вот Петр умер, и над его гробом, друг и соратник Феофан Прокопович произносит речь, в которой, в частности, отвечает на один из самых важных вопросов, которым в это время задавался каждый россиянин: кто теперь будет сидеть на императорском престоле. У Петра не осталось прямых наследников мужского пола. Его внук и полный тезка Петр Алексеевич – еще совсем ребенок.

И Феофан Прокопович (а в его лице православная церковь) говорит: «Наипаче же в своем в вечная отшествии, не оставил нас сирых. Како бо весьма осиротелых нас наречем, когда державное его наследие видим, прямого по нем помощника в жизни его, и подобноравного владетеля по смерти его, тебе, милостивейшая и самодержавнейшая государыня наша, великая героиня, и монархиня, и мать всероссийская! Мир весь свидетель есть, что женская плоть не мешает тебе быть подобной Петру Великому. Владетельское благоразумие и матернее благоустройство твое и природою тебе от Бога данное кому неизвестно? А когда обое то утвердилось

в тебе и совершилося, не просто сожитием толикого монарха, но и сообществом мудрости, и трудов, и различных бедствий его, в которых чрез многая лета, аки злато в горниле искушенную, за малое судил он имети тебе ложа своего сообщницу, но и короны, и державы, и престола своего наследницу сотворил. Как нам не надеяться, что сделанная от негa утвердити, недоделанная совершиши, и все в добром состояния удержиши. Токмо о душе мужественная, потщися одолети нестерпимую сию болезнь твою, аще и усугубилася она в тебе отъятием любезнейшей дщери, и аки жестокая рана новым уязвлением без меры разъярилася. И якова ты от всех видима была в присутствии подвизающегося Петра, во всех, его трудах и бедствиях неотступная бывши сообщница, понудися такова же быти и в прегорьком сем лишении.

Вы же, благороднейшее сословие, всякого чина и сана, верностию и повиновением утешайте государыню и мать вашу, утешайте и самих себе, несумненным дознанием Петрова духа в монархине вашей видяще, яко не весь Петр отшел от нас».

Феофан Прокопович

Он освящает авторитетом церкви нечто неслыханное, невообразимое. История Франции знает целую плеяду великих королев-регентш, которые правили до совершеннолетия своих сыновей (например, Мария Медичи). В Англии было несколько королей, унаследовавших власть от своих отцов или добившихся ее в войне за престол (королева Матильда, королева Анна, Елизавета Английская). Россияне смогли бы вспомнить разве что язычницу княгиню Ольгу, мать Ивана Грозного – Елену Глинскую, бывшую регентшей при сыне пять лет и скоропостижно скончавшуюся (многие подозревали, что ее отравили), да царевну Софью, печальный конец правления которой был всем памятен. Теперь же на престол возводят женщину, чье происхождение более чем сомнительно, причем провозглашают ее не регентшей, но императрицей.

И посмотрите, как Прокопович обосновывает такое решение:

1) Екатерина была не просто женой, но помощницей Петра во всех его делах и начинаниях;

2) Петр сам короновал ее императорской короной;

3) она способна продолжить все начинания Петра.

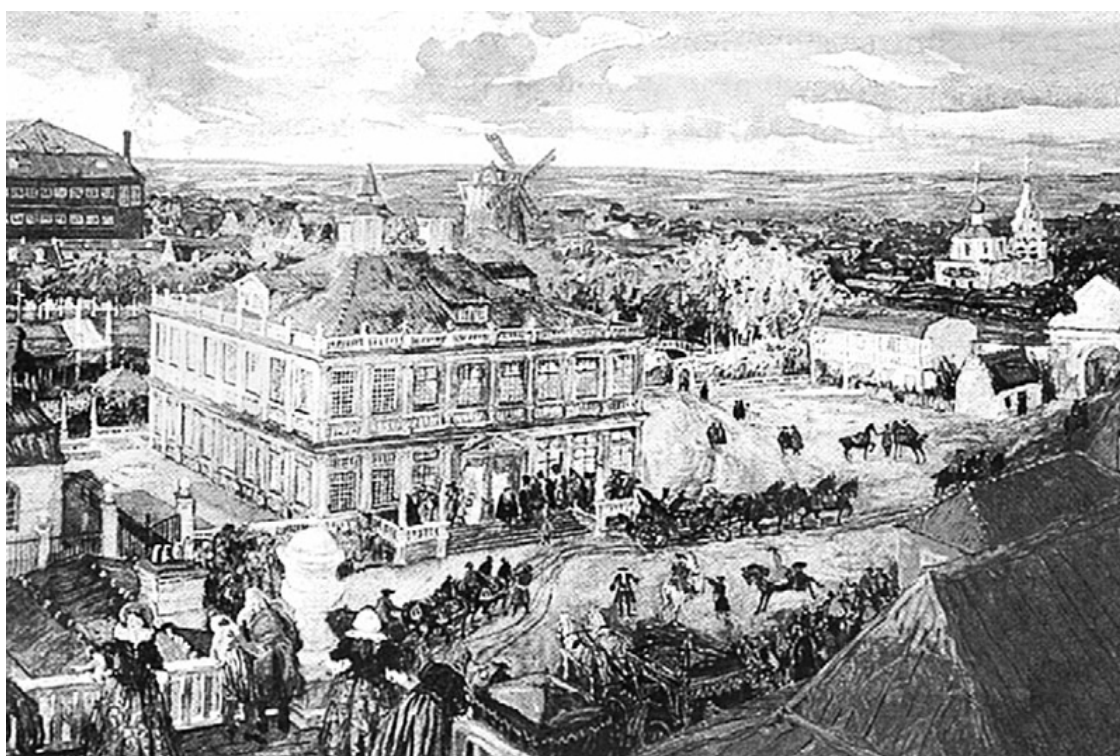
К тому же Екатерину поддерживает «полудержавный властелин» – Александр Данилович Меншиков. Он надеется, что Екатерина будет послушной императрицей и не помешает ему добиваться своих целей. А с ее наиболее вероятным преемником, юным Петром Алексеевичем, Меншиков породнится, обручив его со своей дочерью.

Правление императрицы Екатерины I ни долгое, ни славное: большую часть его она провела, пьянствуя с Настасьей Голицыной. То, что при жизни Петра было лишь кратким и редким развлечением, стало после его смерти потребностью. По-видимому, Екатерина искренне и глубоко привязалась к своему «старiku» и с готовностью сошла за ним в могилу. Но перед этим она успела поучаствовать в торжественном открытии Петербургской Академии наук и тем хотя бы отчасти оправдала ожидания, возложенные на нее Феофаном Прокоповичем. Перед смертью Екатерина написала в завещании: «Цесаревнам и администрации вменяется в обязанность стараться о сочетании браком великого князя с княжною Меншиковою». Светлейший уже видел свою дочь Марию следующей императрицей и думал, что будущее его и его семьи обеспечено. На самом деле никто не мог предсказать капризов истории.

«Монсиха», «Гамильтонша» и другие любовницы Петра

Как я уже упоминала выше, Петр типичный мужчина XVII века, в сознании которого женщины делились на «честных» и «нечестных». К «честным» относились те, кто находился под покровительством брата, отца или мужа, к «нечестным» – все остальные. На «честных» следовало жениться, с «нечестными» – развлекаться. Хотя Петр был весьма щедрым любовником, легко привязывался к своим любовницам, выражал желание узаконить их отношения и в конце концов осуществил это с Мартой Скавронской, но стоило ему разгневаться на женщину, как он становился мстительным и беспощадным, в чем мы уже тоже имели случай убедиться.

Одной из первых его любовниц стала Анна Монс – девушка из Немецкой слободы под Москвой. Нам уже известно, что слободу эту основал еще Алексей Михайлович и что там часто бывал его юный сын.

А. Н. Бенца. «В Немецкой слободе. Отъезд царя Петра I из дома Лефорта»

Но вообще-то первая немецкая слобода появилась в Москве в XVI веке, еще при Василии III, который поселил там воинов-иностранцев из своей почетной стражи. Жили они в слободе Наливки в Замоскворечье, между Полянкой и Якиманкой.

Была своя немецкая слобода и при Иване Грозном – близ устья Яузы, на ее правом берегу, по ручью Кукуй. Поселения иноземцев грабили и сжигали в Смутное время, а позже, при Алексее Михайловиче, по царскому указу от 4 (14) октября 1652 года иностранцы, не принявшие православия, должны были разобрать и перенести свои дома на новое место и образовать иноверческое поселение за пределами города – в Новой Немецкой слободе. Под эти цели выделили пустующий участок на правом берегу Яузы, западнее Басманных слобод и южнее дворцового села Покровское.

Большую часть населения слободы составляли военные из Германии, Батавии, Англии, Шотландии, но были и ремесленники, и купцы. Отец Анны – золотых дел мастер (по другим

известиям – виноторговец), происходил из Ветсфалии (по другим сведениям – из Лифляндии). У Анны была старшая сестра – Модеста и младшие братья Виллим и Филимон.

Анна познакомилась с царем около 1690 года при содействии Франца Яковлевича Лефорта, немца, ближайшего помощника и советника Петра I, чьей любовницей она тогда была. Князь Куракин пишет: «Помянутый Лефорт был человек забавный и роскошный, или назвать дебошан французский. Днем и ночью он предавался удовольствиям, обедам, балам. И тут, в его доме первое начало учинилось, что его величество начал с дамами иноземными обходиться, и амур начал первый быть к одной дочери купеческой, названной Анна Ивановна Монсова. Правда, девица была изрядная и умная. Тут же в доме Лефорта началось дебошанство, пьянство такое великое, что невозможно описать, и что многим случалось оттого умирать. И от того времени и по сие число и донныне пьянство продолжается, и между великими домами в моду пришло. Помянутой же Лефорт с того времени пришел до такого градуса, что учинен был генералом от инфантерии, и потом адмиралом, и от пьянства скончался».

Франц Яковлевич Лефорт

По мнению историка Евгения Анисимова, знакомство с красавицей Анной «облегчило Петру (предки которого мыли руки из серебряного кувшина после церемонии „допущения к руке“ иностранных послов) преодоление невидимого, но прочного психологического барьера, разделявшего два чуждых друг другу мира: православной Руси и „богопротивной“ Европы, которые и ныне преодолеть нелегко».

Анне же, в свою очередь, это знакомство помогло преодолеть бедность (после смерти отца вдове за долги пришлось отдать мельницу и лавку, ей остались только дом с «аустерией» – гостиницей).

Петр дарил ей богатые подарки – например, миниатюрный портрет государя, украшенный алмазами на сумму в 1000 рублей, построил на казенные деньги каменный дом в два этажа и восемь окон, платил Анне и ее матери ежегодный пансион в 708 рублей, а в январе 1703 года пожаловал ей в качестве вотчины Дудинскую волость в Козельском уезде с деревнями (295 дворов).

Расставшись с Евдокией, он жил с Анной открыто, и злые языки прозвали ее Кукуйской царевной.

О том, что случилось дальше, рассказывает другой биограф Петра, «царев токарь» Андрей Нартов: «По кончине первого любимца генерала-адмирала Лефорта место его заступил у царя Петра Алексеевича граф Федор Алексеевич Головин, а по особливой милости – Меншиков, но он беспокоился еще тем, что видел себе противуборницу свою при его величе-

стве Анну Ивановну Монс, которую тогда государь любил, и которая казалась быть владычицею сердца молодого монарха. Сего ради Меншиков предпринял, всячески старался о том, каким бы образом ее привести в немилость и совершенно разлучить. Анна Ивановна Монс была дочь лифляндского купца, торговавшего винами, чрезвычайная красавица, приятного вида, ласкового обхождения, однакож посредственной остроты и разума, что следующее происхождение доказывает. Не смотря на то, что государь несколько лет ее при себе имел и безмерно обогатил, начала она такую глупость, которая ей служила пагубою. Она поползнулась принять любовное предложение бранденбургского посланника Кейзерлинга и согласилась идти за него замуж, если только царское на то будет благословение. Представьте себе: не сумашествие ли это? Предпочесть двадцатисемилетнему, разумом одаренному и видному государю чужестранца, ни тем, ни другим не блистающего! Здесь скажут мне, что любовь слепа, – подлинно так, ибо она на самом вершине благополучия девицу сию нелепой и необузданной страсти покорила. Ко исполнению такого намерения положила она посоветовать о том с Меншиковым и просить его, чтоб он у государя им споспешествовал. Кейзерлинг нашел случай говорить о том с любимцем царским, который внутренне сему радовался, из лукавства оказывал ему свое доброхотство, в таком предприятии более еще его подкреплял, изъясняя ему, что государю, конечно, не будет сие противно, если только она склонна. Но прежде, нежели будет он о сем деле его величеству говорить, надлежит ему самому слышать сие от нея и письменно показать, что она желает вступить в брак с Кейзерлингом. Для сего послал он к ней верную ее подругу Вейдиль, чтоб она с нею обо всем переговорила, которой призналась Монс чистосердечно, что лучше бы хотела выдти за Кейзерлинга, которого любит, нежели за иного, когда государь позволит. Меншиков, получив такую ведомость, не упустил сам видиться с сегою девицею и отобрать подлинно не только устно мысли ея, но и письменно. Сколь скоро получил он такое от нея прошение, немедленно пошел к государю и хитрым образом сказывал ему так: „Ну, всемилостивейший государь, ваше величество всегда изволили думать, что госпожа Монс вас паче всего на свете любит: но что скажете теперь, когда я вам противное доложу?“ – „Перестань, Александр, врать, – отвечал государь, – я знаю верно, что она одного меня любит, и никто иначе меня не уверит; разве скажет она то мне сама“. При сем Меншиков вынул из кармана своеоручное ея письмо и поднес государю. Монарх, увидя во оном такую не ожидаемую переписку, хотя и прогневался, однако не совсем по отличной к ней милости сему верил. А дабы вконец в деле сем удостовериться, то его величество, посетив ее в тот же день, рассказывал ей без сердца о той вести, какую ему Меншиков от нея принес. Она в том не отрицалась. И так государь, изобличив ее неверностию и дурачеством, взял от нея алмазами украшенный свой портрет, который она носила, и при том сказал: „Любить царя – надлежало иметь царя в голове, которого у тебя не было. И когда ты обо мне мало думала и неверною стала, так не для чего уже иметь тебе мой портрет“. Но был так великодушен, что дал уборы, драгоценные вещи и все пожалованное оставил ей для того, чтоб она, пользуясь оными, со временем почувствовала угрызение совести, колико она против него была неблагодарна. Вскоре после того вышла она замуж за Кейзерлинга, но, опомнясь о неоцененной потере, раскаивалась, плакала, терзалась и крушилась ежедневно так, что получила гектическую болезнь, от которой в том же году умерла.

Такою-то хитростию и лукавством генерал-майор Меншиков, свергнув с себя опасное иго, сделался потом игралищем всякого счастья и был первым государским любимцем, ибо при ней таковым еще не был. После сего приключения государь Петр Великий никакой уже прямой любовницы не имел, а избрал своею супругою Екатерину Алексеевну, которую за отличные душевные дарования и за оказанный его особе и отечеству заслуги при жизни своей короновал».

Но историки поправляют мемуариста. Подозрения относительно неверности Анны возникли у Петра еще в апреле 1703 года, когда по пути в Шлиссельбурге в Неве утонул саксонский посланник Ф. Кенигсек. В его вещах нашли любовные письма от Анны и ее медальон. Эти

письма, по всей видимости, написаны за пять лет до того, как Петр на полгода уехал в Великое посольство. Разгневанный Петр посадил Анну, ее сестру, бывшую в то время уже замужем за Федором Николаевичем Балком, и их мать под домашний арест, приказав Ромодановскому следить за ней и лишь через три года «дал позволение Монше и ее сестре Балкше в кирху ездить».

В то же время Анну обвинили в ворожбе, направленной на возвращение к ней государя; арестовали до 30 человек; дом конфисковали в казну движимое имущество и драгоценности оставили.

Но за Анну вступился тот самый прусский посланник Георг Иоганн фон Кейзерлинг, о котором упоминает Нартов. Сделать это было нелегко, Кейзерлингу пришлось вытерпеть немало оскорблений, прежде всего от Меншикова. В 1707 году он находился в Люблине, в главной квартире русской армии, ожидавшей Карла XII. Оттуда Кейзерлинг писал своему государю:

«Люблин, 1707 года, 11-го июля н. ст.

(Перевод). Вседержавнейший великий король, августейший государь и повелитель! Всеподданнейше и всенижайше повергаю к стопам вашего королевского величества донесение о происходившей вчера попойке; обыкновенно сопряженная со многими несчастными происшествиями, она вчера имела для меня весьма пагубные последствия.

Ваше королевское величество соблаговолит припомнить то, что почти всюду рассказывали в искаженном виде обо мне и некоей девице Монс, из Москвы, – говорят, что она любовница царя. Эта девица Монс, ее мать и сестра, лишенные почти всего, что имели, содержатся уже четыре года под постоянным арестом, а ее трем братьям преграждена всякая возможность поступить на царскую службу, а также им запрещен выезд из государства. Я, по несчастию, хотя невинным образом, вовлеченный в их роковую судьбу, считал себя обязанным, столько же из сострадания, сколько по чувству чести, заступиться за них, и потому, заручившись сперва согласием Шафирова и князя Меншикова, я взял с собою одного из братьев, представил его царю и Меншикову и был ими благосклонно принят.

Вчера же, перед началом попойки, я, в разговоре с князем Меншиковым, намекнул, что обыкновенно день веселья бывает – днем милости и прощения, и потому нельзя ли будет склонить его царское величество к принятию в военную службу мною привезенного Монса. Кн. Меншиков отвечал мне, что сам он не решится говорить об этом его царскому величеству но советовал воспользоваться удобной минутой и в его присутствии обратиться с просьбой к царю, обещая свое содействие и не сомневаясь в успешном исходе. Я выжидал отъезда польских магнатов, – почти все они присутствовали на пиру и, скажу кстати, выражали все время большую преданность вашему королевскому величеству; в этом отношении особенно заявил себя епископ Куявский, упомянув о должном удовлетворении за ограбленных московскими войсками подданных вашего королевского величества. Когда же я обратился к царю с моей просьбой, царь, лукавым образом предупрежденный князем Меншиковым, отвечал сам, что он воспитывал девицу Монс для себя, с искренним намерением жениться на ней, но так как она мною прельщена и развращена, то он ни о ней, ни о ее родственниках ничего ни слышать, ни знать не хочет.

Я возражал с подобающим смирением, что его царское величество напрасно негодует на девицу Монс и на меня, что если она виновата,

то лишь в том, что, по совету самого же князя Меншикова, обратилась к его посредничеству исходатайствовать у его царского величества всемилостивейшее разрешение на бракосочетание со мной; но ни она, ни я, мы никогда не осмелились бы предпринять что-либо противное желанию его царского величества, что я готов подтвердить моей честью и жизнью. Князь Меншиков вдруг неожиданно выразил свое мнение, что девица Монс действительно подлая, публичная женщина, с которой он сам развратничал столько же, сколько и я.

На это я возразил, что предоставляю ему самому судить, справедливо ли то, что он о себе говорит, что же касается до меня, то никакой честный, правдивый человек не обличит, тем менее не докажет справедливости возведенного на меня обвинения. Тут царь удалился в другую комнату, князь же Меншиков не переставал забрасывать меня по этому поводу колкими, язвительными насмешками, которых наконец не в силах был более вынести. Я оттолкнул его от себя, сказав: „Будь мы в другом месте, я доказал бы ему, что он поступает со мной не как честный человек, а как... и проч. и проч.“. Тут я, вероятно, выхватил бы свою шпагу, но у меня ее отняли незаметно в толпе, а также удалили мою прислугу; это меня взбесило и послужило поводом к сильнейшей перебранке с князем Меншиковым. Вслед затем я хотел было уйти, но находившаяся у дверей стража, ни под каким предлогом не выпускавшая никого из гостей, не пропустила и меня. Затем вошел его царское величество; за ним посылал князь Меншиков. Оба они, несмотря на то что Шафиров бросился к ним и именем Бога умолял не оскорблять меня, напали с самыми жесткими словами и вытолкнули меня не только из комнаты, но даже вниз по лестнице, через всю площадь. Я принужден был вернуться домой на кляче моего лакея, – свою карету я уступил перед обедом посланнику датского короля, рассчитывая вернуться в его экипаже, который еще не приезжал.

Теперь всенижайше повергаю благосклонному усмотрению вашего королевского величества все это происшествие: оно для меня чувствительнее самой жизни. Высоко просвещенный ум вашего королевского величества столько же, как чрезвычайное великодушие и глубокая любовь к правде, коими восхищается и удивляется весь мир, позволяют мне надеяться не только на милостивое снисхождение к этому делу, но и на правосудие и возмездие со стороны вашего королевского величества.

Клянусь Богом, что все обстоятельства, изложенные мною, совершенно верны: все польские магнаты, бывшие на пиру, могут засвидетельствовать, что поведение и обращение мое были безукоризненны и что до их отъезда (за несколько минут до происшествия), несмотря на сильную попойку, я все время был трезв. Но положим даже (чего в действительности не было), что я был пьян и произвел какое-либо бесчинство, подвергать меня за это строгому аресту и бдительному надзору совершенно неуместно, и если бы я был частное приглашенное лицо, а не носил бы священного звания уполномоченного посла вашего королевского величества (то, что уважается даже самыми необразованными народами), то и тогда не следовало обращаться со мной так постыдно и незаконно. Я не прошу о мести. Ваше королевское величество, как доблестный рыцарь, сами взвесите этот вопрос, но я слезно и всенижайше умоляю ваше королевское величество, как о великой милости, уволить меня, чем скорее, тем лучше, от должности при таком дворе, где участь почти всех иностранных министров одинаково

неприятна и отвратительна. Если ваше королевское величество соблаговолите согласиться, можно благонадежно поручить ваши интересы моему секретарю, уроженцу Кенигсберга и верноподданному вашего королевского величества. Он смышлен в делах, обладает уже некоторою опытностью в переговорах, и ему известны все мною здесь добытые сведения.

Если я осмелюсь, со всею моею верноподданническою преданностью, ради которой я готов жертвовать всем на свете и даже моей жизнью, высказать мое ничтожное мнение, то я доложу, что нейтралитет, который ваше королевское величество соблюдали до сих пор, не может долее существовать, не повредив интересам вашего королевского величества; так как царь снова отступает от границ вашего королевского величества, то король шведский с родины двинется и заслонит вас. Кроме затаенной злобы, ваше королевское величество никакой выгоды от царя ждать не можете, и ваше королевское величество имели бы самый законный повод к нарушению нейтралитета как в оскорблении, мне нанесенном (что выражает полное презрение к вашему королевскому величеству), так и в том, что обещания вознаградить ваших ограбленных подданных не исполняются. Я даже убежден, что не подвергся бы вчерашнему со мной обращению царя, он мог еще прежде в Москве так поступить со мной, если бы он не таил против меня злобного негодования вследствие последней моей с ним беседы. Легко может быть, что случившееся со мной происшествие преднамеренно было отложено до отступления царя от границы. Как будет царь обращаться со мной впоследствии времени и будет ли он стараться загладить свою гнусную вину, не знаю, ибо первым моим движением по возвращении домой было составить всеподданнейшее обо всем донесение вашему королевскому величеству и безотлагательно переслать письма через курьера в Варшаву.

С болезненным нетерпением и с полнейшею покорностью буду ожидать всемилостивейшего высочайшего повеления. Препоручая себя благоволению и милости вашего королевского величества, пребываю со всеподданнейшей преданностью и непоколебимой верностью до конца жизни своей, вседержавнейшего, и проч. и проч. Георг Иоганн фон Кейзерлинг».

Потребовалось еще четыре длинных письма и три года ожидания, прежде чем эта история пришла к благополучному завершению. Описанные побои посла вызвали дипломатический скандал. Растерянные дипломаты писали в Пруссию: «Один Бог может постичь существование такого народа, где не уважается ни величие коронованных лиц, ни международное право и где с иностранными сановниками обращаются, как с своими рабами». Посол вызвал Меншикова на дуэль. В дело вмешался прусский король Фридрих I. Чтобы погасить скандал, виноватыми объявили гвардейцев, стоявших в тот день в карауле и спустивших Кейзерлинга с лестницы, и приговорили их к казни. Тут представился случай Кейзерлингу проявить свое милосердие и нравственное превосходство над обидчиками. Он писал: «Вчера, в 10-ть ч. утра, целый эскадрон лейб-гвардейцев провел этих двух преступников, в оковах и цепях, мимо здешнего дворца вашего королевского величества, по главнейшим улицам предместий и города, до большой площади Краковского предместья перед так называемом Казимирским дворцом, где имеют свое помещение его царское величество и князь Меншиков. Приговор был уже почти исполнен, (московский) русский поп уже дал преступникам свое наставление к принятию смерти, уже благословил их распятием, уже даны были им свечи в руки, глаза были повязаны и уже командир, майор Иоанн Котлер, скомандовал к прикладу, как тут находившийся уже секретарь вашего королевского величества, Лельгеффель, объявил помилование, привезенное генерал-адъютантом князя Меншикова, фон Брукенталем, и обнародованное

впоследствии от высочайшего имени вашего королевского величества, и снова весь эскадрон привел преступников ко мне, во дворец вашего королевского величества, куда прибыли в то же время королевский датский посланник Грунд и разные другие офицеры, приглашенные мною к обеду; тут виновные на дворцовой площади пали ниц и со смирением благодарили за милостиво дарованную им вашим королевским величеством жизнь. Потом, по моему требованию, они были освобождены от цепей и, по обычаю, угощены мною водкой, которую выпили во здравие вашего королевского величества и его царского величества, командующие же офицеры приглашены были мною к обеду. Я всеподданнейше остаюсь в уповании на высочайшее благоволение вашего королевского величества по поводу полученного мною, вследствие высочайшего вашего желания, такого блестящего удовлетворения и совершенного прекращения недоразумений и неприятностей, происшедших единственно от излишней выпивки, в чем погрешили в тот день даже сами лейб-гвардейцы».

Дело против семьи Монс прекратили в 1707 году, а в 1710-м Кейзерлинг получил разрешение на брак с Анной Монс. Свадьба состоялась 18 июня 1711 года в Немецкой слободе.

А через полгода, 11 декабря (по другим сведениям – 5 сентября), Кейзерлинг скончался по дороге в Берлин. Потом целых три года Анна судилась за курляндское имение мужа и собственные вещи, находившиеся при нем (в том числе «алмазный портрет» Петра I), со старшим братом покойного – ландмаршалом Прусского двора. В марте 1714 года тяжба завершилась в пользу Анны. К этому времени она обручилась с пленным капитаном шведской армии, проживавшим в Немецкой слободе, Карлом фон Миллером.

Но выйти за него замуж она так и не успела. 15 августа 1714 года Анна скончалась от чахотки, похоронена на евангелическо-лютеранском кладбище. Судьба ее сына и дочери (от брака с Кейзерлингом) неизвестна.

Покровительство Анны не пошло впрок и ее брату и сестре. О судьбе несчастного Виллима мы уже знаем. Старшая сестра Модеста, которую при Дворе называли Матреной, была одно время близкой подругой и фрейлиной Марты Скавронской. По делу брата Модесту приговорили к публичному наказанию кнутом на Сенатской площади, после чего направили по этапу в Тобольск, в ссылку, а ее сыновей – на службу в Персию. Но после смерти Петра Ека- терина, ставшая императрицей, вернула подругу и ее сыновей. Модеста вскоре умерла, а дочь Наталья, ставшая придворной дамой Елизаветы Петровны, повторила судьбу матери – была прилюдно выпорота и сослана в Сибирь за то, что распространяла слухи, будто отец Елизаветы – ее дядюшка Виллим.

* * *

Впрочем, Анне Монс еще повезло. Другая женщина, осмелившаяся изменить монарху, поплатилась за это головой. В самом что ни на есть буквальном смысле слова.

Страстный поклонник Петра, сын обедневшего курского купца Иван Иванович Голиков, в своей книге «Анекдоты о Петре Великом» рассказывает: «Денщик его величества Иван Михайлович Орлов, узнавши об одном тайном по вечерам сходбище, и о составляющих оное людях, подал о сих ввечеру же монарху записку. Великий государь, прочтя оную, положил в карман сюртука своего; но как карман на то время подпоролся, бумага ошибкою попала между сукном и подкладкою.

Сюртук сей монарх, ложась спать, обыкновенно приказывал класть или под подушку свою, или на стул у кровати. Когда же его величество започивал, а господин Орлов, окончивши денванье свое, прогулял с приятелями всю ночь, монарх, проснувшись, захотел записку ту рассмотреть тотчас, но, не найдя оной в кармане, заключил, что она украдена и крайне прогне- вался. Он приказал позвать к себе Орлова, который раздевал его, но его не нашли. Он велел его сыскать скорее, но как не могли долго его отыскать, то от сего гнев его паче еще увеличиться

был должен. Наконец Орлов был сыскан и, узнавши, что монарх чрезмерно на него гневается, не ведая же к тому причины, заключил, что, конечно, узнал государь о любовной его связи с камер-фрейлиной Гамильтон, любимицей ея величества. В таковых мыслях вошедши и, увидя монарха весьма гневным, упал к ногам его, вопя: „Виноват, государь! Люблю Марьюшку!“ (так называлась фрейлина она). Государь из сего узнав, что в похищении бумаг он невиновен, особливо же когда в то же самое время дневальный денщик Пospelов сыскав оную в шуртке, принес к монарху, сказав, где он ее нашел.

И так со спокойным уже видом спрашивал государь Орлова, давно ли он любит ее? – „Третий год“. – „Бывала ли она беременна?“ – „Бывала“. – „Следовательно, и рожала?“ – „Рожала, но мертвых“. – „Видел ли ты мертвых?“ – „Нет, не видал, а от нее сие знал“, – отвечал Орлов. К несчастью сей любовницы незадолго перед тем при вывозении нечистот найден был мертвый младенец, обернутый в дворцовой салфетке, но не могли тогда дойти до виновницы того. Из ответов же сих заключил монарх, что сия убийца-мать есть точно фрейлина Гамильтон. Он тот же час призывает ее к себе и при Орлове же спрашивает ее о том. К несчастью виновная сия вздумала в том запирается и клятвенно невинность свою утверждать, однако же, наконец, будучи уличена потсудной любовью ея с Орловым, принуждена была признаться во всем и что уже двух таким образом погубила младенцев. Монарх паки спрашивает ее: знал ли о сем Орлов? – „Не знал“, – отвечает она, но монарх, оставшись о сем в подозрении, повелевает его отвести в крепость под стражу, а виновную, яко смертоубийцу и нераскаившуюся, отдать уголовному суду.

Суд сей не мог не осудить ее на смерть; определение сие монарх (в 1719 году) подтверждает, и дается ей некоторое время на покаяние и приуготовление себя к казни.

Ее величество, любя сию несчастную, все силы свои употребляла на то, чтобы спасти ее, но все было тщетно. Наконец склонила она к убеждению супруга своего любимую его невестку – царицу Прасковью Федоровну, которой, говорит Татищев, советы и просьбы государь никогда не презирал, и условились, что накануне казни гамилтоншиной сия царица позвала монарха к себе с государынею и пригласила бы к тому же графа Апраксина, Брюса и Толстого. По прибытии их величества и сих особ, в продолжении разговоров, царица склонила речь на несчастную Гамильтон, извиняла преступление ее слабостью человеческой, срамом и стыдом, превозносила добродетель в Государе, милосердие, уподобляющее его Богу, перед которым все смертные виновны и нечисты, но он терпит оныя и ожидает покаяния нашего и проч. Сии рассуждения царицыны, утверждали, как самыя справедливейшие, и помянутые министры, заключая свои рассуждения псалмониковыми словами: аще беззакония назриши, Господи, кто постоит?

Монарх, все выслушав терпеливо, на перебивая речи их, спросил невестку свою: „Чей закон есть на таковые злодеяния?“ Царица должна была признаться, что вначале Божий, потом государев. „Что же именно закон сей повелевает? Не то ли, что проливая кровь человеческую, да прольется и его?“ Должна была подтвердить она и сие, что за смерть смертью. „А когда так, – сказал паки Государь, – то рассуди невестушка: если тяжело мне закон и отца, и дедов моих нарушить, то коль тяжче Закон Божий уничтожить, – и, обратясь к помянутым особам, сказал: – Не хочу быть ни Саулом, ни Ахавом, которые, нерассудною милостью закон преступя, погибли и телом, и душою; если вы имеете смелость, то возьмите на душу сие дело и решите, как хотите, – я спорить не буду“. После сего все умолкли, не смея ни на себя того взять, и ниже просить за несчастную государя; и царица увидела себя принужденной замять речь шуточным прикладом. И так бедная Гамильтон заплатила за убийство рожденных ей младенцев своею головою, которая на другой день сего разговора была отрублена публично».

П. Сведомский. «Мария Гамильтон перед казнью»

«Гамильтонша», или «Марьюшка», упомянутая в этой истории, – это Мария Даниловна Гамильтон, шотландка, происходившая из семьи, приехавшей в Россию еще при Иване Грозном. Вероятно, она – дочь Виллема (Уильяма) Гамильтона и находилась в родстве с той самой Мэри Гамильтон, женой Артамона Матвеева и воспитательницей матери Петра. Мария служила фрейлиной жены Петра Екатерины.

Все мемуаристы отмечают ее красоту и подчеркивают, что она не осталась незамеченной Петром. Например, Андрей Нартов пишет: «Впущена была к его величеству в токарную присланная от императрицы комнатная ближняя девица Гамильтон, которую, обняв, потрепал рукою по плечу, сказал: „Любить девок хорошо, да не всегда, иначе, Андрей, забудем ремесло“. После сел и начал точить».

По официальной версии, Мария родила от Орлова, денщика Петра, двух младенцев и то ли убила их сразу же после родов, то ли, как сама созналась на следствии, «вытравливала детей лекарствами, которые брала у лекарей государева двора, причем сказывала лекарям, что берет лекарства для других надобностей». Впрочем, дознание в петровские времена включало в себя пытку (и она применялась к Гамильтон), у обвиняемой не было защитника, и она легко могла оговорить себя. Также она созналась, что, «будучи при Государыне царице, вещи и золотые (червонцы) крада, а что чего порознь – не упомянуть». Часть червонцев отобрали у нее при обыске, часть, по ее собственным словам, она отдала Орлову.

Также допросили горничную Гамильтон Катерину Терновскую, которая подробно рассказала, как ее хозяйка убила новорожденного ребенка. Впрочем, вторая горничная, Варвара Дмитриева, показала, что действительно при ней Гамильтон была больна, но о детоубийстве она ничего не знает; о краденых вещах и деньгах также ей ничего не известно.

На очной ставке Орлов заявил, что находился в любовной связи с Гамильтон, но не слышал от нее, что она родила и бросила мертвого, червонцы же принял от нее, думая, что они принадлежат ей самой. Мария подтвердила показания Орлова в присутствии Петра и не отказалась от своих показаний даже после пыток и ударов плетью.

Орлова освободили, Гамильтон приговорили к смертной казни, но царь заставил ждать ее целых четыре месяца. Мария до самого конца надеялась на прощение. На казнь она оделась в белое шелковое платье с черными лентами, надеясь, что ее красота разжалобит монарха. Но Яков Штелин, еще один мемуарист Петра, рассказывает, что по прочтении указа о смертной казни Петр подошел к молящей о пощаде Гамильтон и, поцеловав ее, сказал: «Без нарушения божественных и государственных законов, не могу я спасти тебя от смерти, и так прими казнь, и верь, что Бог простит тебя в грехах твоих, помолись только ему с раскаянием и верою».

Легенда гласит также, что Петр поднял отрубленную голову, поцеловал ее, затем, будучи сведущ в анатомии, показал и объяснил присутствующим части головы и, снова поцеловав ее, уехал с места казни.

Еще одна легенда рассказывает, что отрубленную голову Гамильтон по приказу Петра положили в банку со спиртом. С 1724 года эта банка хранилась в Академии наук, в особой комнате, вместе с головой камергера Монса. И только в начале 1780-х годов эти головы, по приказанию Екатерины II, закопали в погреб. Однако еще в 1830-х годах сторож Кунсткамеры показывал посетителям голову мальчика 12–15 лет, выдавая ее за голову несчастной Гамильтон.

* * *

У Петра и его денщика, по-видимому, была еще одна «общая» любовница – Авдотья Чернышева. Стараясь отвлечь Орлова от нее, бедная Гамильтон украла деньги у своей хозяйки.

Авдотью сам император прозвал «бой-бабой», и, возможно, именно поэтому ее судьба сложилась счастливо.

Авдотья Ивановна Чернышева

Родом из семейства Ржевских и, по слухам, она стала любовницей Петра в пятнадцатилетнем возрасте. Семнадцатилетней девушкой вышла замуж за денщика царя Григория Петровича Чернышева, в будущем графа, генерал-аншефа, сенатора, московского генерал-губернатора. Свадьба была весьма пышной и отпразднована с размахом. Чернышев оставил после себя мемуары, в которых не без хвастовства рассказывает: «По взятии Выборга и по прибытии оттуда в Питербурх, в 1710 году, женился (38-ми лет), взял Иванову дочь Ивановича Ржевского, девицу Авдотью; венчали в крепости, в деревянной церкви, во имя Святых апостолов Петра и Павла; от церкви ехали в государеве буере, кой называется „Фаворит“, а прочие присутствующие при том особы в других буерах, вниз Невою, на Васильевской остров, в дом его

светлости генерала-фельдмаршала князя Александра Даниловича Меншикова. И во оном доме был стол; а после стола, из дому его светлости, девицы государыни царевны Екатерина Иоанновна, Анна Иоанновна, отцами: светлейший князь Александр Данилович Меншиков, генерал-адмирал граф Федор Матвеевич Апраксин, другою матерью светлейшая княгиня, Дарья Михайловна Меншикова, фоншнейдор Павел Иванович Ягушинской, Шафиров; из морских и сухопутных офицеров 12-ть человек; братья были: канцлер граф Гаврила Иванович Головкин, от гвардии майор князь Василий Володимирович Долгоруков; сестры: Домна Андреевна Головкина, Сара Ивановна Брюсова».

Впрочем, эта свадьба была весьма торжественной и чинной. А вот вторая свадьба рано овдовевшей матери Авдотьи вышла совсем другой. И неудивительно: Дарья Гавриловна Ржевская венчалась в 1715 году в той же деревянной церкви Петра и Павла, вблизи от Петропавловской крепости, с самым «всешутейшим князь-папой», предводителем «Всешутейшего и Всепьянейшего собора», одной из любимых карнавальных затей Петра I. Петр решил почтить своего «папу» и отпраздновать свадьбу с поистине царским размахом. Для молодых на Троицкой площади перед собором построили «перемида», ее устилают периной, набитой хмелем, сверху кладут подушки, плетеные из стеблей хмеля, набитые хмелевыми листьями, и огромное одеяло из парусины, простеганное тоже хмелем. «Папу» наряжают к венцу в здании Коллегии иностранных дел, а его невесту одевают в свадебное платье «в доме, построенном деревянном на Неве-реке близ церкви Троицкой», том самом, который зовется теперь «Домиком Петра I». Наряжает ее сама императрица Екатерина Алексеевна со своими придворными дамами. Затем император и императрица, а также их приближенные провожают молодых к венцу, после венчания гости «шли в дом, что на Неве был, и был стол... и после свадебного стола тою же церемониею свели жениха с невестой на покой в уготованную спальную на оную постель... и в бубны били». Потом молодожены и гости пошли на берег Невы, где их ждал большой плот, на котором укрепили медный чан с пивом. На плоту стоял Нептун с длинной белой бородой и острогою, рядом с ним сидели на бочках сирены попеременно с «архиереями Всепьянейшего собора». Гости погрузились на плот и переправились через Неву, и началось торжественное шествие. «Потешнейшая свадьба» закончилась еще одним пиром. Авдотья была на этом празднике в польском костюме, а ее муж – в «ассессорском» платье.

Казимир Валишевский в своей биографии Петра Великого утверждает, что именно царь – отец четырех дочерей и трех сыновей Авдотьи, а также, что она заразила Петра сифилисом, который и послужил причиной его смерти, но как известно, Авдотья скончалась в 1747 году, спустя 22 года после смерти Петра, то эта «версия» оказывается сомнительной.

После кончины Петра она становится статс-дамой у Анны Иоанновны. Ее муж получил графское достоинство и Андреевскую ленту. Овдовев в 1745 году, Авдотья удалилась от Двора и через два года скончалась и похоронена в Александро-Невской лавре.

* * *

В числе любовниц Петра называли и княжну Марию Кантемир, дочь молдавского господаря и сестру поэта Антиоха Кантемира. Молдавский господарь Дмитрий Кантемир отдал себя под верховное главенство русского царя в 1711 году. Но военные действия приняли неблагоприятный для русских оборот, ему пришлось покинуть свою родину, и он навсегда поселился в России. Петр уважал старшего Кантемира и считал, что он «человек, зело разумный и в советех способный».

У Дмитрия Константиновича родилось пять сыновей: Дмитрий, Сербан, Матвей, Константин и Антиох и две дочери: Мария и Смарагда. Во время прибытия семьи в Москву Марии, старшей дочери, исполнилось 13 лет. Жена господаря была гречанкой, и все дети прекрасно говорили по-гречески, княжна Мария читала на древнегреческом, латинском и итальянском,

изучала русский язык. А еще она была настоящей красавицей – черноволосой, черноглазой, с точеными чертами лица и стройным станом.

Мария Кантемир

Позже, после смерти первой жены, Дмитрий женился на Анастасии Ивановне Трубецкой, и она родила ему дочь – Екатерину.

По легенде, роман между 49-летним Петром I и 20-летней Марией Кантемир начался в 1721 году. В следующем, 1722 году французский посол Жак де Кампредон пишет кардиналу Дюбуа: «Царицу страшит новая склонность Монарха к дочери валашского господаря. Она, утверждают, беременна уже несколько месяцев, отец же у нее человек очень ловкий, умный и пронырливый. Царица и боится, как бы Царь, если девушка эта родит сына, не уступил убеждениям принца валашского и не развелся с супругою для того, чтобы жениться на любовнице,

давшей престолу наследника мужского пола. Этот страх не лишен основания, и подобные примеры бывали». Но этот год Мария провела в Астрахани с мачехой и братом, и неизвестно, была ли она беременна, а если да, то чем закончились роды. И. И. Ильинский, подробно отражавший в своем журнале историю семьи, ни словом не упоминает ни о беременности, ни о выкидыше, ни о болезни Марии.

Наконец в октябре 1722 года в Астрахань приезжает и старший Кантемир. Семейство уезжает в орловское имение Дмитровку, где в 1723 году Дмитрий Константинович умирает.

Дмитрий Кантемир

3 июля следующего, 1723 года посол Кампредон доносит своему королю: «Поговаривают уже о поездке в Москву будущей зимой. Говорят даже, что там произойдет коронование

Царицы, что царь приобщит ее к правлению и установит порядок престолонаследия. Достоверно, что влияние Царицы усиливается с каждым днем и что только ради ее удовольствия Царь держит в отдалении, в деревне, господаря молдавского, дочь которого, казалось одно время, обратила на себя внимание Монарха».

Как нам уже известно, весной 1724 года Екатерина становится императрицей.

После смерти Петра Мария осталась в Москве, одно время состояла фрейлиной Анны Иоанновны, замуж так и не вышла.

* * *

Царь обращал свой благосклонный взор и на золовку князя Меншикова, младшую дочь стольника и якутского воеводы Михаила Афанасьевича Арсеньева Варвару (во дворце князя Меншикова на Неве до сих пор можно увидеть комнаты, названные «Варвариными»).

Она была фрейлиной императрицы Екатерины и слыла дурнушкой, но большой умницей. О связи Варвары с Петром рассказывает Казимир Валишевский. Он передает следующий рассказ о начале романа императора: «Петр любил все необыкновенное. За обедом он сказал Варваре: „Не думаю, чтобы кто-нибудь пленился тобою, бедная Варя, ты слишком дурна; но я не дам тебе умереть, не испытавши любви“. И тут же при всех повалил ее на диван и исполнил свое обещание». И объясняет: «Нравы тогдашнего общества допускали правдоподобие этого рассказа. Я уже указывал на странные отношения того времени между любовниками; на дикое извращение чувств и смешение связей. Петр и Меншиков, по-видимому, то и дело сменяли друг друга или делили права, которые должны бы исключать всякий дележ».

После смерти Петра и ареста Меншикова Варвара, хоть и не была осуждена, но все же отправилась со всей семьей в Сибирь. Однако туда она так и не попала – ее решено было отправить в Александровскую слободу в Успенский монастырь, оттуда ее перевезли в Белозерск, чтоб постричь в монахини. Там Варвара и скончалась в 1729 году.

* * *

Еще одной пассией Петра называют графиню Марию Андреевну Румянцеву, урожденную Матвееву, дочь действительного тайного советника графа Андрея Матвеева и внучку Артамона Матвеева. Молодость свою она провела в Вене и Гааге, где ее отец служил послом до 1710 года, была хорошо образованна, говорила по-французски, вела себя смело и раскованно.

Мария Андреевна Румянцева

Приехав в Россию, девушка сразу же привлекла внимание Петра. Современники рассказывали, что Петр I не только высказывал к ней большое расположение, но и ревновал ее к другим настолько сильно, что однажды даже собственноручно высек за слишком смелое обращение и пригрозил ей, что выдаст ее замуж за человека, который сумеет держать ее в строгости и не позволит ей иметь любовников, кроме него одного. Так или иначе, но в 1720 году царь дал ей богатое приданое и выдал замуж за своего денщика Александра Ивановича Румянцева, получившего чин бригадира и недавно отличившегося в сыске по делу царевича Алексея. Одним из детей, родившихся в этом браке, был будущий прославленный полководец елизаветинских и екатерининских времен граф Петр Александрович Румянцев-Задунайский. Сыном Петра его считает не только Казимир Валишевский, относившийся к истории скорее как к авантюрному роману чем к собранию строго выверенных фактов, но и великий князь Николай Михайлович,

который хоть и не был чужд романтизма, но все же старался придерживаться истины, какой он ее видел, и благодаря своему высокому сану имел возможность работать с документами, недоступными другим историкам.

После смерти Петра семейство Румянцевых попало в опалу, их отправили на жительство в алатырскую деревню, где они провели около трех лет. Позже Румянцева восстановили в чине, он занимал губернаторские должности во многих провинциях. При Елизавете Мария Андреевна получила статус статс-дамы, ей поручили заведовать Двором великой княгини Екатерины Алексеевны.

Позже дипломаты, видевшие старую даму уже при Дворе Екатерины, отмечали ее живой ум и то, что, даже будучи разбита параличом, она не потеряла способности радоваться жизни. А когда она скончалась, Гаврила Романович Державин посвятил ей такие стихи:

Румянцевой! – Она блистала
Умом, породой, красотой
И в старости любовь снискала
У всех любезною душой;
Она со твердостью смежила
Супружний взор, друзей, детей;
Монархам семерым служила,
Носила знаки их честей.

И зрела в торжестве и славе
И в лаврах сына своего;
Не изменялась в сердце, нраве
Ни для кого, ни для чего,
А доброе и злое купно
Собою испытала все,
И как вертится всеминутно
Людской фортуны колесо.

Воззри на памятник сей вечный
Ты современницы твоей,
В отраду горести сердечной,
К спокойствию души своей,
Прочти: «Сия гробница скрыла
Затмившего мать лунный свет;
Смерть добродетели щадила,
Она жила почти сто лет».

Глава 3

«Она – совершенная государыня». Анна Иоанновна

После смерти Екатерины I на престол возшел юный внук и тезка Петра, 12-летний Петр II. Те три года, что было суждено ему править, он оставался игрушкой в руках то Меншикова, то московской боярской семьи Долгоруких. Но пятнадцати лет от роду Петр II умирает от оспы, и российский престол снова оказывается вакантным.

Царица из Курляндии

Сразу после смерти Петра II, 19 января 1730 года в первом часу ночи, в Москве началось секретное заседание Верховного тайного совета, в который входили Д. М. и М. М. Голицыны, Г. И. Головкин, А. И. Остерман, А. Г., В. Л. и В. В. Долгоруковы и который в последние два года фактически был верховной властью в стране. Речь шла о том, кому теперь будет принадлежать корона. У Петра не осталось прямых наследников по мужской линии. Значит, на престол сядет женщина. Но кто именно? Елизавета, дочь Петра, слишком явно проявляла свой властный характер. Она крепко сдружилась со своим племянником и даже, кажется, пыталась женить его на себе. С такой своенравной девицей никому не хотелось связываться. Да и происхождение ее было сомнительно: ведь она родилась еще до венчания Петра и Марты и «узаконена» задним числом.

Тогда возникла новая кандидатура – племянница Петра, средняя дочь его старшего брата Иоанна, названная Анной.

Костомаров рассказывает о ней: «Очень часто о людях, путем слепого случая достигших, мимо собственных желаний и усилий, высокого значения в свете, сочиняются легенды, как будто им еще ранее были предсказания, предзнаменования и пророчества. Подобное сложилось, вероятно, уже впоследствии, об Анне Ивановне. Говорили, будто ей предрекал в загадочных выражениях ее будущую судьбу юродивый Тимофей Архипыч; говорили также, что, когда царица Прасковья Федоровна, посещавшая с участием и любовью разных духовных сановников, приехала вместе со своими дочерьми к митрополиту Суздальскому Илариону и в разговорах обнаружила беспокойство о том, что станет с ее дочерьми, – преосвященный Иларион, о котором уже ходила молва, что он обладает даром прорицания, предсказал царевне Анне Ивановне в будущем скипетр и корону».

Но вначале судьба сулила Анне иное. Петр, выдавший ее старшую сестру Екатерину за герцога Мекленбургского (и позже раскаявшийся в своем выборе), теперь сосватал Анне племянника прусского короля, молодого Фридриха Вильгельма, герцога Курляндского. Герцогство со столь забавно звучащим для русского слуха названием располагалось в западной части современной Латвии, на территории исторических областей Курземе (Курляндия), Земгале (Семигалия) и Селия (Селония). Сначала оно было вассалом Великого княжества Литовского и пришедшей ему на смену Речи Посполитой. Первым ее герцогом стал в 1559 году ландмейстер Ливонского ордена Готхард Кетлер. Потом двумя областями Курляндии правили два его сына – Фридрих и Вильгельм, однако, как это часто бывает, Фридрих сверг Вильгельма и стал самостоятельно править всей Курляндией. В 1600 году Фридрих женился на Елизавете Магдалене, дочери герцога Померании-Вольгаста Эрнста Людвига. Но детей у них не было, и наследником стал сын Вильгельма и прусской принцессы Софии Якоб. С его правлением связан расцвет Курляндии. Благодаря заботе своего дяди, очень любившего его, Якоб получил образование в университетах Ростoka и Лейпцига, а затем отправился путешествовать по Англии, Франции, Нидерландам и даже изучал в Амстердаме кораблестроение, совсем как Петр I. Он строил мануфактуры, развивал сельское хозяйство, создал торговый и военный флот, который превосходил флот Бранденбурга, а также Гамбурга, Любека и прочих германских городов вместе взятых, основал в Западной Африке (у реки Гамбии) и на острове Тобаго у берегов Америки курляндские колонии. Женился на Луизе Шарлотте Бранденбургской, а его сын и наследник Курляндии Фридрих Казимир, окруживший себя роскошью и построивший в Митаве Итальянскую оперу, изрядно истощил казну, так что ему пришлось продать Тобаго, чтобы покрыть свои долги. Женился на Близавете Софии Бранденбургской, сестре курфюрста Бранденбургского Фридриха, который позже коронован как первый король Пруссии, их сын – герцог Фридрих Вильгельм, жених царевны Анны.

Анна Иоанновна

Петру была не столь важна Курляндия, сколько союз с Пруссией, а Фридрих Вильгельм остался благодарен Петру, во время Северной войны шведы изгнали его вместе с матерью из Курляндии, и лишь победа Петра под Полтавой позволила ему вернуться на престол. В 1710 году он прибыл в Санкт-Петербург и очень понравился Анне.

Венчание совершилось 31 октября того же года в палатах князя Меншикова на Васильевском острове, в полотняной походной церкви. Костомаров рассказывает: «Затем, несколько дней сряду, шумные пиршества происходили в двух залах Меншиковских палат, из которых главной была та, где ныне устроена церковь Павловского военного училища. В одно из таких

пиршеств царь Петр устроил для гостей сюрприз: на стол подали два огромнейших пирога, высотой пять четвертей. Когда царь сам вскрыл эти пироги, из них выскочили две разряженные карлицы и на свадебном столе протанцевали менуэт.

14 ноября царь устроил еще новую затею – свадьбу карлика Ефима Волкова, на которую, как на особое торжество, выписано было со всей России семьдесят две особы карликов обоего пола: в те времена таких уродов нетрудно было достать, потому что при дворах особ царского рода и знатных господ было в обычае, вместе с шутами, держать карликов и карлиц. Венчание происходило в церкви Петропавловской крепости; оттуда со всеми церемониями, наблюдавшимися при свадьбах, новобрачных повезли на судне по реке в палаты Меншикова и там посадили за торжественный стол, за которым уже рассажены были гости – все такие же карлики и карлицы. По окончании пира уроды увеселяли танцами сановную публику, а потом новобрачных с торжеством повели в опочивальню, куда последовал и сам царь».

Наверное, Петр думал, что устроил судьбу хотя бы этой племянницы, но увы! По дороге в Митаву герцог скончался на мызе Дудергоф, отъехав всего 40 верст от Петербурга. «Причиной неожиданной смерти было неумеренное употребление спиртных напитков при отъезде из царской столицы, – пишет Костомаров. – Так сердечно и так неосмотрительно угостили его царственные свойственники».

Петр распорядился, чтобы молодая вдова ехала в Митаву и жила там с родней своего мужа. Жизнь Анны оказалось вовсе не сладкой. Она жаловалась дяде, что «с собою ничего не привезла в Митаву, ничего не получила и стояла некоторое время в пустом мещанском дворе, того ради, что надлежало до двора, поварни, конюшни и лошади и прочее все покупать вновь. А приходу мне с данных деревень деньгами и запасами всего 12 680 талеров, и с того числа в расходе по самой крайней нужде к столу в поварню, в конюшню и на жалованье на Либерию служителям и на содержание драгунской роты всего 12 254 талера, а в очистке всего только 426 талеров. С таким остатком как себя платьем, бельем, кружевами и по возможности алмазами, серебром, лошадьми и прочим в новом пустом доме, не только по своей части, но и против прежних вдовствующих герцогинь курляндских весьма содержать себя не могу, также и партикулярные шляхетские жены ювели и прочие уборы имеют неубогие, из чего мне в здешних краях не бесподозрительно есть. И хотя по милости Вашего Величества пожалованными мне в прошлом 1721 году деньгами управила я некоторые самые нужные домовые на себя уборы, однако имею еще на себя долгу за крест и складень бриллиантовый, за серебро и за обои камор и за нынешнее черное платье 10 000 талеров, которых мне ни на каком образе заплатить невозможно, и впредь для всегдашних нужных потреб принуждена в долг больше входить, а не имеячи платить и кредиту нигде не буду иметь...».

Кажется, после этой трагической истории Петр не решался больше быть сватом для своих племянниц. Третья дочь Прасковьи Федоровны, как и мать, звавшаяся Прасковьей, умерла незамужней. И вот теперь пережившая и мужа и дядю герцогиня Анна наконец получила возможность вернуться в Петербург.

Разорванные «Кондиции»

Видимо, Тайный совет полагал, что Анна будет настолько рада открывшейся ей возможности, что не станет привередничать и согласится на все условия. Условия эти изложили в так называемых «Кондициях».

По поводу их содержания в Тайном совете шли споры. Голицын предлагал ограничить монарха властью Парламента или Государственного совета, как это было сделано в Англии.

Другие – взять пример с Польши, избравшей своего монарха. Некоторые выступали за создание аристократической республики. Самый популярный проект, который поддержали 364 человека, предусматривал создание «Вышнего правительства» из 21 человека и выборность членов этого правительства, сенаторов, губернаторов и президентов коллегий второй палатой из 100 человек. Но в этом проекте вовсе упразднился Верховный тайный совет, поэтому большинство самих «верховников» выступили против него.

В итоге решили, что без согласия Тайного совета монархиня не может начинать войну или заключать мир, вводить новые подати, жаловать в чины выше полковника, отнимать дворянское звание, жизнь или имущество дворян, жаловать вотчины и деревни, производить в придворные чины и... тратить государственные доходы на личные нужды. Таким образом, совет хоть и не вводил конституционную монархию, но все же оставлял за собой важнейшие политические ниточки, не отдавая их в руки монархини.

Позже это изменится. Вот, например, как Сергей Сергеевич Ольденбург, биограф Николая II, будет описывать круг полномочий монарха на рубеже XIX и XX веков: «„Российская Империя управляется на точном основании законов, от Высочайшей власти исходящих. Император есть монарх самодержавный и неограниченный“, – гласили русские основные законы. Царю принадлежала вся полнота законодательной и исполнительной власти. Это не означало произвола: на все существенные вопросы имелись точные ответы в законах, которые подлежали исполнению, пока не было отмены... Но право издавать законы нераздельно принадлежало царю. Был Государственный совет из высших сановников, назначенных туда государем; он обсуждал проекты законов; но царь мог согласиться, по своему усмотрению, и с мнением большинства, и с мнением меньшинства – или отвергнуть и то и другое. Обычно для проведения важных мероприятий образовывались особые комиссии и совещания; но они имели, разумеется, только подготовительное значение.

В области исполнительной власти – полнота царской власти также была неограничена. Людовик XIV после смерти кардинала Мазарини заявил, что хочет отныне быть сам своим первым министром. Но все русские монархи были в таком же положении. Россия не знала должности первого министра. Звание канцлера, присваивавшееся иногда министру иностранных дел (последним канцлером был светлейший князь А. М. Горчаков, скончавшийся в 1883 г.), давало ему чин 1-го класса по Табели рангов, но не означало какого-либо главенства над остальными министрами. Был Комитет министров, у него имелся постоянный председатель (в 1894 г. им еще состоял бывший министр финансов Н. Х. Бунге). Но этот Комитет был, в сущности, только своего рода междуправительственным совещанием. Все министры и главноуправляющие отдельными частями имели у государя свой самостоятельный доклад. Государю были также непосредственно подчинены генерал-губернаторы, а также градоначальники обеих столиц».

Это именно то, что называют «абсолютной монархией» – концентрация власти в одних руках, удивительная для Европы конца XIX века. Предпосылки для нерушимости и долготлетия подобной системы заложили еще при Петре, но, как мы уже видели, сильно расшатались при более слабых его наследниках. Теперь же, при Анне Иоанновне, у России появился выбор, каким путем идти: вслед за Европой к конституционной монархии или к абсолютизму. И именно Анна сделала этот выбор.

* * *

Проект держался в тайне и поэтому вызывал большой интерес у дворянства, которому не посчастливилось войти в Тайный совет. Они не без оснований предполагали, что в результате этого соглашения их права будут ущемлены.

Тайный совет знал, что никакой поддержки при Дворе у Анны Иоанновны нет, но это знали и «оппозиционеры». И они скоро поняли, что могут опереться на Гвардию – Преображенский и Семеновский полки, бывших «потешных ребят» Петра, которые с петровских времен не просто личная охрана монарха, а его «кадровый резерв», откуда Петр набирал управленцев в провинцию или «чиновников для особых поручений» (капитаном Преображенского полка был, к примеру, Александр Румянцев – адъютант Петра, которому монарх поручил хитростью привезти из-за границы сбежавшего царевича Алексея).

Наконец около 2000 дворян созывают в Москву, собирают в Кремле, и они подписывают «Кондиции», подписала их и Анна, еще в Митаве. Пока все идет по плану Тайного совета. Испанский посол де Лириа записывает в своем дневнике: «Февраля 10-го прискакал из Митавы курьер с известием, что депутаты приехали туда 5-го числа и что царица не только приняла престол, но и подписала статьи, ей предложенные. Эта весть наполнила радостию всех тех, кои хотели управлять государством, как республикою, и на другой день издали манифест о ее восшествии на престол, с повелением молиться в церквах о ее здравии и все указы писать от ее имени».

Но гвардейцам удалось связаться с Анной, и она узнала, что если выступит против Тайного совета, то не останется без поддержки.

21 февраля она приезжает в столицу, фактически «под домашним арестом» – ее контакты стараются ограничить всеми возможными способами.

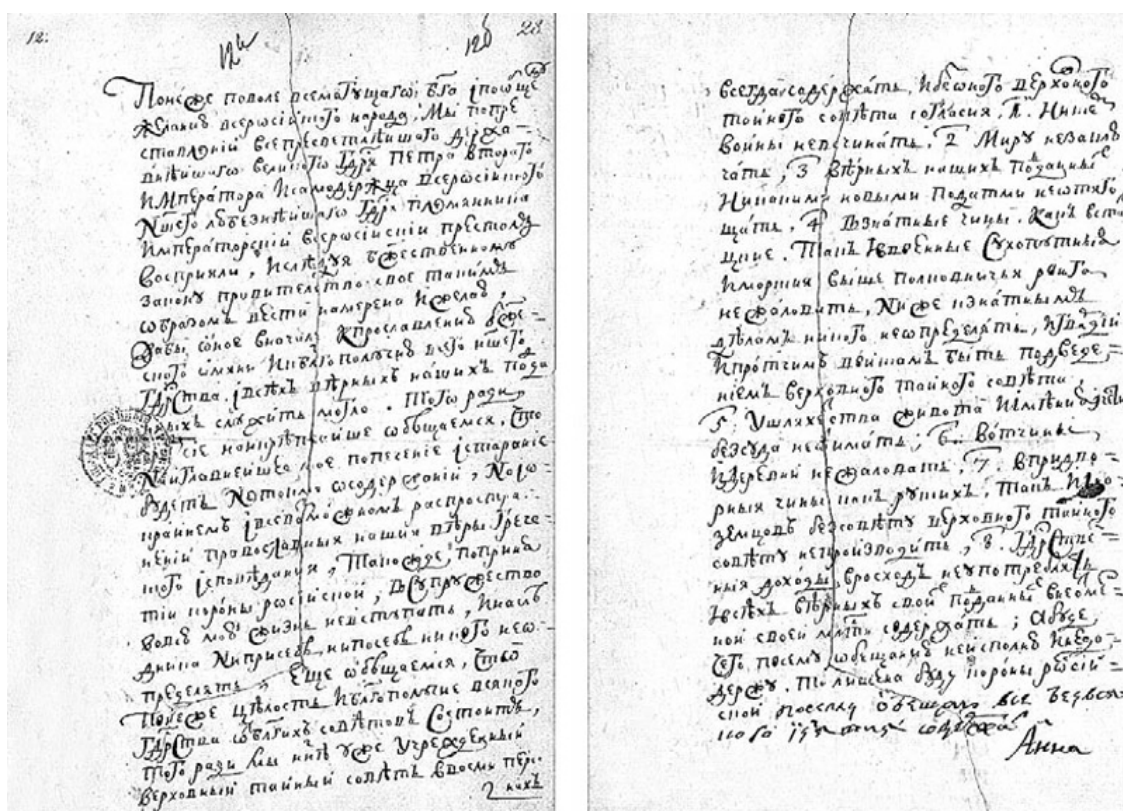
22 февраля совершается торжественное погребение Петра II. Анна Иоанновна остановилась в селе Всесвятском, она ждет торжественного въезда в Москву. Герцог Лирийский записывает в своем дневнике: «Между тем новая государыня жила в Всесвятском и, казалось, была довольна, что взойшла на престол, она даже повелела, чтобы все дела шли так точно, как она подписала в Митаве. Но 23-го числа сделалось такое дело, которое заставило всех призадуматься. Вышед в переднюю комнату, она велела позвать к себе всех офицеров гвардии Преображенского полка, кои тут случились, и сказала им, что поелику Богу угодно было призвать ее на престол, то она желает быть их полковником, подобно своим предшественникам, и дала уже повеление объявить о том. Все офицеры пришли в восторг от сих слов и бросились лобызать руки нового полковника, орошая их слезами. Тотчас засим ее величество велела призвать к себе кавалергардов и сказала им то же, после чего была провозглашена полковником гвардии Преображенского полка и капитаном кавалергардов. Такая решимость удивила и поразила всех тех, кои не хотели видеть ее самодержавною, ибо в числе многих других их замыслов был и тот, чтобы царица не имела никакой власти над гвардиею; но когда она сделала это, то все замолкли и даже восхваляли ее за это».

Дворян опять собирают в Кремле, и они подписывают присягу государыне.

25 февраля в Лефортовский дворец на Яузе, где находилась Анна Иоанновна, явилась делегация под предводительством князя Черкасского и подала Анне челобитную, подписанную дворянами. В ней выражалось беспокойство относительно содержания «Кондиций». Авторы челобитной считали, что «в некоторых обстоятельствах тех пунктов находятся сумнительства такие, что большая часть народа состоит в страхе предбудущаго беспокойства». Дворяне просили Анну созвать специальный совет для рассмотрения и анализа всех пунктов. Анна начертила на челобитной «Учинить по сему» и увела Тайный совет обедать.

Дальнейшие события описывал посол де Лириа: «Офицеры гвардии и другие, находившиеся в большом числе, и в присутствии царицы начали кричать, что они не хотят, чтобы кто-нибудь предписывал законы их государыне, которая должна быть такою же самодержавною, как и ее предшественники. Шум дошел до того, что царица была принуждена пригрозить им, но они все упали к ее ногам и сказали: „Мы, верные подданные Вашего величества, верно служили вашим предшественникам и пожертвуем нашу жизнь на службу Вашему величеству, но не можем терпеть тирании над Вами. Прикажите нам, Ваше величество, и мы повергнем к Вашим ногам головы тиранов!“»...

В тот же день, пока Тайный совет обедал, была составлена вторая челобитная, в которой Анну уже прямо просили «принять самодержавство, как ваши славные предки имели». И тогда она приказывает государственному канцлеру принести все бумаги, подписанные ею, как в Митаве, так и в Москве, и разорвать их на глазах у всех. «И тут дворянство и военные с громким криком радости стали целовать руки государыне, своей самодержице».

Разорванная рукопись «Кондиций»

Не меньший восторг вызывало это событие и век спустя, вот как описывает государственный переворот Анна писательница Александра Осиповна Ишимова, автор книги «История России в рассказах для детей», впервые изданной в 1837 году. Она начинается с того момента, когда Анна подписала «Кондиции»: «Сделав такие дерзкие предложения государыне, предки которой всегда пользовались неограниченной властью, избиратели могли опасаться ее несогласия, особенно если бы она заранее узнала об условиях избрания, и поэтому под страхом смертной казни было запрещено уведомлять о них императрицу прежде, чем приедут к ней отправленные депутаты.

Но, несмотря на строгое запрещение, нашлись люди, которые, чувствуя любовь к Отечеству и проявляя усердие, решили предостеречь государыню. То были: один из членов Верховного совета, великий канцлер граф Головкин и его зять, граф Ягужинский. Последний

отправил к Анне Иоанновне своего адъютанта Сумарокова, который, несмотря на караулы, расставленные в разных местах по дороге к Митаве, успел проехать переодетый и вручить герцогине письмо своего генерала за несколько часов до приезда депутатов. Ягужинский в своем письме советовал императрице согласиться со сделанными ей предложениями и положиться во всем прочем на верных подданных, которые приложат все усилия, чтобы возвратить избранной государыне самодержавную власть ее предков.

Анна Иоанновна с точностью последовала усердному совету, ей данному, и на все желания приехавших депутатов дала согласие с таким полным спокойствием, что никто из них не мог вообразить, что оно было только внешнее. Государыня сумела поддерживать это внешнее спокойствие даже тогда, когда уже приехала в Москву: все противники считали ее совершенно довольной образом правления в то самое время, когда она со своими приверженцами тайно заботилась об его уничтожении. Кроме графов Головкина и Ягужинского, на ее стороне были: графы Левенвольды, барон Остерман, князья Трубецкой и Черкасский и множество других важнейших чинов государства, не говоря уже о дворянстве и народе, которые не хотели слышать о каком-либо ограничении всегда священной для них воли их государей. Но трудно было действовать усердным защитникам справедливости. Долгорукие, жившие во дворце, замечали малейшие поступки императрицы и почти никого не допускали к ней. К счастью, при государыне была племянница князя Трубецкого, девица Прасковья Юрьевна Салтыкова: через нее Анна Иоанновна имела связь со своими приверженцами и через нее 23 февраля, спустя восемь дней после своего приезда в Москву, получила известие о просьбе, в которой 276 подписавшихся человек умоляли государыню от имени всего народа принять самодержавие и тем самым возвратить подданным счастье повиноваться ей одной.

На другой день в 8 часов утра дворянство, отслужив молебен, приехало подтвердить свою просьбу лично перед государыней. Князья Долгорукие и Голицыны ужаснулись и не имели силы предотвратить бурю, собравшуюся над их головами: императрица, несмотря на все старания князя Василия Лукича удержать ее от свидания с дворянством, приказала допустить его к себе, с заметным удовольствием приняла просьбу, поднесенную князем Трубецким, внимательно слушала, когда ее читали, и тут же написала на просьбе: быть по сему. Тотчас после этого государыня приказала одному из своих приближенных принести бумагу, которую она должна была подписать в Митаве, и в присутствии всех разорвать и бросить ее. Приказание было исполнено, и вслед за тем была дана императрице новая присяга – как государыне самодержавной.

Так быстро совершилось в нашем Отечестве происшествие, которое снова доказывает вам, милые читатели, насколько единодушно русские были приверженны к своим царям».

Подлинник «Кондиций», действительно надорванный, почти разорванный на две части, до сих пор хранится в Российском государственном архиве древних актов.

Самодержица

Однако когда Ишимова переходит к описанию правления Анны Иоанновны, тон ее меняется: «Анна Иоанновна снисходительно отнеслась к своим противникам: никто не был лишен жизни, даже главнейшие из них, Долгорукие, были наказаны ссылкой. Князья же Голицыны были только удалены от двора и отправлены на службу в разные области Сибири. Такое снисхождение подавало русским надежду на кротость правления новой государыни, на ее материнское сострадание ко всем несчастным. Быстро разлилась эта радостная надежда по нашей обширной России, но недолго утешала ее: сердце Анны вскоре стало недоступно и для любви ее верных подданных, и для слез, проливаемых ими о потере своего счастья. Не думайте, однако, милые дети, что виной этого была Анна Иоанновна. Нет, она оставалась все так же чувствительна к судьбе своего народа, как была в начале своего царствования, но многое не доходило до ее сведения; главной же причиной всех бедствий России была излишняя доверчивость государыни к герцогу Бирону, доверчивость, во зло им употребленная».

И правда, редкий историк находит для Бирона теплые слова. Нередко вместе с Бироном они бранили и Анну. Выдающийся русский историк В. О. Ключевский говорил на своих лекциях: «Это царствование – одна из мрачных страниц нашей истории, и наиболее темное пятно на ней – сама императрица. Рослая и тучная, с лицом более мужским, чем женским, черствая по природе и еще более очерствевшая при раннем вдовстве среди дипломатических козней и придворных приключений в Курляндии, где ею помыкали, как русско-прусско-польской игрушкой, она, имея уже 37 лет, привезла в Москву злой и малообразованный ум с ожесточенной жадой запоздалых удовольствий и грубых развлечений. Выбравшись случайно из бедной митавской труппы на широкий простор безотчетной русской власти, она отдалась празднествам и увеселениям, поражавшим иноземных наблюдателей мотовской роскошью и безвкусицей. В ежедневном обиходе она не могла обойтись без шутих-трещоток, которых разыскивала чуть не по всем углам Империи: они своей неумолкаемой болтовней угомоняли в ней едкое чувство одиночества, отчуждения от своего Отечества, где она должна всего опасаться; большим удовольствием для нее было унижить человека, полюбоваться его унижением, потешиться над его промахом, хотя она и сама однажды повелела составить Св[ященный] Синод в числе 11 членов из двух равных половин – великороссийской и малороссийской. Не доверяя русским, Анна поставила на страже своей безопасности кучу иноземцев, навезенных из Митавы и из разных немецких углов. Немцы посыпались в Россию, точно сор из дырявого мешка, облепили двор, обсели престол, забирались на все доходные места в управлении!».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.